

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск IX

Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв.

ЧАСТЬ IV

Санкт-Петербург
2022

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2022. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. IV. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_9>

© www.milhist.info

© Бабулин И.Б., Курбатов О.А.,
Лобин А.Н.

MILHIST

INFO

ББК 63.3
УДК 94(47+57)"16"

**Бабулин И.Б., Курбатов О.А., Лобин А.Н. Забытый гений русской артиллерии:
генерал Николас Бауман (1607-1684)**

Статья посвящена биографии военачальника Николаса Баумана. Особое место в работе историков уделено военной деятельности этого выдающегося генерала на русской службе.

Ключевые слова: XVII в., служилые иноземцы, "немцы", Бауман.

Авторы:

Бабулин Игорь Борисович, подполковник юстиции. В 2013 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Борьба за Украину в гетманство И. Выговского: военные события 1658-1659 гг.». Область научных интересов: военная история XVI-XVII вв. editorial@milhist.info

Курбатов Олег Александрович, сотрудник РГАДА. В 2003 г. защитил кандидатскую по теме "Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х-1660-х гг.", автор порядка сотни монографий, научных и популярных статей по военной истории и вооруженным силам России XVI - начала XVIII вв. olegkurbatov@yandex.ru

Лобин Алексей Николаевич. окончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета в 1999 г. В 2004 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук: «Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.». Область научных интересов: военная история XVI-XVII вв. alobin@mail.ru

Литература, использованная в статье:

Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века // «Рейтар». — № 19.

Лобин А.Н. «Против недругов стоял и бился мужественно...». Датский офицер на службе русского царя // «Родина». — 2006. — № 11.

Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau end das erste Theater in Rußland // Neuen Archivs für Sächsische Geschichte. — 1911. — № 32.

Anoyatis-Pelé D., Athanasopoulou I., Tsiamis C. Cartographic Heritage in the Historical Study of Public Health: The Case of Mediterranean Lazzaretos // e-Perimtron, Vol. 11, No.1.

Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в. // Исторические записки. — М., 1962. — Т. 71.

Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. — М., 1997.

Лебедянская А.П. «Репорт» 1757 г. о «достопамятных» орудиях в Оренбургском округе // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. — Вып. I. Л.:М., 1940.

Росписной список г. Киева 1700 г. // Чтения в историческом обществе истории Нестора-Летописца. — 1892. — Т. 6.

Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. — СПб., 2004.

Пальмквист Эрик. Заметки о русской артиллерии // Известия Императорской археологической комиссии. — Пг., 1914. — Вып. 53.

Лобин А.Н. Деревянно-земляные пушки [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. III. — С. 385-395 <http://www.milhist.info/2017/03/30/lobin_8> (30.03.2017).

Фельдман Д.З. Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009.

Kroll P. Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem w 1659 roku z Archiwum Radziwiłłow w Warszawie // Studia historyczno-wojskowe. — 2008. — Vol. II.

Курбатов О.А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Бярятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. — С. 304-327. <http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8> (25.07.2017).

Курбатов О. А. Стрельцы Саввино-Сторожевского монастыря во второй половине XVII века // Саввинские чтения: Сборник трудов по истории Звенигородского края. — Звенигород, 2015. — Вып. 3.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2022/06/28/babylin_kyrbatov_lobin

Ссылка для печатных изданий:

Бабулин И.Б., Курбатов О.А., Лобин А.Н. Забытый гений русской артиллерии: генерал Николас Бауман (1607-1684) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2022. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. IV. — С. 362-420 <http://www.milhist.info/2022/06/28/babylin_kyrbatov_lobin> (28.06.2022).

Babulin I.B., Kurbatov O.A., Lobin A.N. Forgotten genius of Russian artillery: general Nicholas Bauman (1607-1684)

This article is devoted to the biography of the commander Nicholas Bauman. Particular attention of historians is given to the military activities of this outstanding general in the Russian service.

Key words: seventeenth century, service foreigners, "Germans", Nicholas Bauman.

The authors:

Babulin Igor Borisovich, Lieutenant Colonel of Justice. In 2013 he passed his Ph.D defense in History: "Scramble of Ivan Vyhovsky for Ukraine and Hetman position: war events in 1658-1659". Research interests: military history of the XVI-XVII centuries. editorial@milhist.info

Kurbatov Oleg Aleksandrovich, staff member of RGADA (Moscow, Russia). In 2003, he defended his PhD "From the history of military reforms in Russia in the 2nd half of the XVII century. Reorganization of cavalry based on the materials of the Novgorod category of the 1650s-1660s.". He is the author of more than a hundred monographs, scientific and popular articles about military history and the armed forces of Russia of the XVI - early XVIII centuries. olegkurbatov@yandex.ru

Lobin Alexey Nikolayevich, holds doctoral degree from the St.-Petersburg State University. His interest is in the Russian military history of the sixteenth and seventeenth centuries. alobin@mail.ru

References:

Babulin I.B. General Bauman i ego dejatel'nost' v russkoj armii XVII veka [General Bauman and his activities in the Russian army of the XVII century] // «Rejtar». — № 19.

Lobin A.N. «Protiv nedrugov stojal i bilsja muzhestvenno...». Datskij oficer na sluzhbe russkogo carja ["I stood and fought courageously against my enemies...". A Danish officer in the service of the Russian tsar] // «Rodina». — 2006. — № 11.

Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau end das erste Theater in Rußland // Neuen Archivs für Sächsische Geschichte. — 1911. — № 32.

Anoyatis-Pelé D., Athanasopoulou I., Tsiamis C. Cartographic Heritage in the Historical Study of Public Health: The Case of Mediterranean Lazzaretos // e-Perimtron, Vol. 11, No.1.

Kolosov E.E. Razvitie artillerijskogo vooruzhenija v Rossii vo vtoroj polovine XVII v. [Development of artillery armament in Russia in the second half of the XVII century] // Istoricheskie zapiski. — M., 1962. — T. 71.

Opisanie vtorogo posol'stva v Rossiju datskogo poslannika Gansa Ol'delanda v 1659 godu, sostavlennoe posol'skim sekretarem Andreem Rode [Description of the second embassy to Russia of the Danish envoy Hans Oldeland in 1659, compiled by the embassy secretary Andrei Rode] // Utverzhdenie dinastii. — M., 1997.

Lebedjanskaja A.P. «Report» 1757 g. o «dostopamjatnyh» orudijah v Orenburgskom okruge ["Report" of 1757 about "memorable" guns in the Orenburg district] // Sbornik issledovanij i materialov Artillerijskogo istoricheskogo muzeja Krasnoj Armii. — Vyp. I. L.:M., 1940.

Pal'mkvist Jerik. Zametki o russkoj artillerii [Notes on Russian artillery] // Izvestija Imperatorskoj arheologicheskoj komissii. — Pg., 1914. — Vyp. 53.

Lobin A. Russian fortified wooden cannon [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition VI. Russian "God of War": studies and sources on the history of Russian artillery — Vol. III. — P. 385-395 <http://www.milhist.info/2017/03/30/lobin_8> (30.03.2017).

Fel'dman D.Z. Redkij dokument o sluzhbe vykresta-evreja v russkoj armii [A rare document about the service of a Jewish cross in the Russian army] // Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni. — M., 2009.

Kroll P. Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem w 1659 roku z Archiwum Radziwiłłow w Warszawie // Studia historyczno-wojskowe. — 2008. — Vol. II.

Kurbatov O.A. Genesis of the "general regiments" of the Russian army in 1654-1665. Quarrel of the governor of the book. Yuri Nikitich Baryatinsky and Lieutenant General Vilim Dromont in the context of one of the reforms of the Russian army in the second half of the XVII century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition VI. Smolensk Wars XV-XVII. — Vol. II. — P. 304-327. <http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8> (25.07.2017).

Kurbatov O. A. Strel'cy Savvino-Storozhevskogo monastyrja vo vtoroj polovine XVII veka [The Streltsy of the Savvino-Storozhevsky Monastery in the second half of the XVII century] // Savvinskie chtenija: Sbornik trudov po istorii Zvenigorodskogo kraja. — Zvenigorod, 2015. — Vyp. 3.

Internet link:

http://www.milhist.info/2022/06/28/babylin_kyrbatov_lobin

Reference:

Babulin I.B., Kurbatov O.A., Lobin A.N. Forgotten genius of Russian artillery: general Nicholas Bauman (1607-1684) [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2022. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. IV. — P. 362-420 <http://www.milhist.info/2022/06/28/babylin_kyrbatov_lobin> (28.06.2022).

И.Б. Бабулин, О.А. Курбатов,
А.Н. Лобин

ЗАБЫТЫЙ ГЕНИЙ
РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ:
ГЕНЕРАЛ
НИКОЛАС БАУМАН
(1607–1684 гг.)

Настоящая статья посвящена биографии и военной деятельности самого выдающегося иностранного офицера и русского генерала эпохи правления царя Алексея Михайловича — Николаса Баумана (или «Миколая Бовмана», как называли его в отечественных документах).

В конце XIX в. русский историк Дмитрий Цветаев опубликовал работу «Генерал Бауман и его дело» (СПб, 1884). Однако она в основном отражает активную религиозно-просветительскую деятельность этого образованного, разностороннего и одаренного многими талантами человека, приложившего немало усилий для организации протестантской общины в Немецкой слободе Москвы. После Цветаева историки почти не уделяли внимания генералу.

Интерес к личности Баумана появился лишь в начале нынешнего столетия. В 2005–2006 гг. авторы настоящей статьи опубликовали свои очерки о биографии и различных аспектах военной деятельности генерала Баумана¹. Однако, за прошедшие годы удалось обнаружить новые источники и материалы, значительная часть которых ранее не вводилась в научный оборот. В них содержится немало важной информации не только о ранее неизвестных этапах жизненного пути нашего героя, но и о его вкладе в развитие артиллерийского дела в Московском государстве.

Происхождение Баумана и его первый военный опыт

Согласно данным немецкого историка XIX в. Эрнста Коха (*Koch*), Николас Бауман (*Nikolaus Baumann*) родился 16 мая 1607 г., предположительно в Северной Германии². По результатам нашего исследования можно сделать вывод, что он происходил из герцогства Гольштейн-Готторп. О «голштинском» происхождении Баумана свидетельствует голландский путешественник Николаас Витсен, который будучи в России в 1664–1665 гг., сообщил в своем дневнике, что Бауман «...из голштинских офицеров на русской службе»³. В пользу этого утверждения свидетельствует и то, что одно из писем Баумана герцогу Гольштейн-Готторпскому в период его «мирной» жизни было послано из Хайде (*Heide*), маленького немецкого городка в области Дитмаршен, западной части герцогства Гольштейн. Кроме того, как видно из последующих событий, наместник датского короля граф Христиан Рантцау, посланный отыскать Баумана, поехал, прежде всего, в упомянутый Хайде. Вероятнее всего, область Дитмаршен как раз и является родиной Баумана.

Начало жизненного пути Николаса Баумана недостаточно известно⁴. Датскому историку, профессору Копенгагенского университета, Гуннеру Линду (*Gunner Lind*) удалось обнаружить родовой герб Баумана, изображение которого сохранилось на оттиске печати в письме генерала, отправленном им из Москвы в Копенгаген в 1660 г., и было воспроизведено в рукописи биографий датских офицеров⁵.

Какое образование получил Бауман неизвестно, но, видимо имея способности к военной службе, он приобрел достаточно обширные знания в военно-инженерном деле. Как видно из последующих событий, Бауман прекрасно разбирался в фортификации, артиллерии, изготовлении орудий и боеприпасов. При этом следует отметить, что сведения о военной службе Баумана в молодые годы, приведенные в статье Э. Коха, достаточно путаны, поэтому выстроим хронологию весьма бурной жизни генерала исходя из достоверно известных нам исторических фактов.

Прежде всего, следует учесть сообщение Э. Коха о том, что Бауман служил курфюрсту Георгу Вильгельму Бранденбургскому в ходе войны

против шведов в чине артиллерийского капитана под началом полковника Фалька (*Falk*)⁶. Упомянутая скоротечная война имела место в 1638 г., когда Георг Вильгельм пытался отнять у шведов захваченную ими Померанию. Ссылаясь на право наследования после смерти Богуслава XIV, последнего герцога Померанского (ум. 10.03.1637 г.), курфюрст двинул свою маленькую армию против Швеции. Весной 1638 г. бранденбуржцы (2000 пехоты и 400 драгун) под командованием генерал-майора Клиссинга (*Kliffing*) взяли город Гарц (*Garz*) на о. Рюген в Передней Померании⁷. Однако уже летом того же года превосходящие силы шведов отбросили армию Бранденбурга в Пруссию и вернули ранее потерянный Гарц. Кампания курфюрста провалилась, сказалось отсутствие подготовленных войск, боеприпасов и продовольствия. Померания осталась за шведами⁸. После окончания данного конфликта Бауман, вероятно, вернулся на родину.

Дальнейший боевой опыт можно было приобрести на службе в армиях воюющих государств, сражающихся на полях Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Герцогство Гольштейн-Готторп в те годы придерживалось нейтралитета. Бауман был ревностным протестантом лютеранского вероисповедания, что и определило его выбор. Он отправился в ландграфство Гессен-Кассель.

Скорее всего, он вступил в гессенскую армию летом 1641 г., когда она осаждала крепость Вольфенбюттель. Ландграфиня Амалия Елизавета Гессен-Кассельская (1602–1651) управляла своими землями в качестве регентши (с 1637 г.) после смерти мужа Вильгельма V. Амалия была яркой противницей императора и Католической лиги и имела небольшую, но боеспособную армию. Бауман был принят на гессенскую службу в звании капитана, причем роту солдат он должен был набрать за свой счет. Это следует из письма Баумана герцогу Фридриху, которое обнаружил в Шлезвигском архиве немецкий военный историк Ян Шлюрманн (*Jan Schlürmann*). Набор роты обошелся капитану в 1500 рейхсталеров, как сообщил Бауман позднее в этом письме, «...*поскольку думал, подобно всем другим капитанам на службе ландграфини, что будет оплачен позднее*»⁹. Гессенской армией командовал талантливый военачальник генерал-майор граф Эрнст Альбрехт фон Эберштейн, позднее ставший генерал-фельдмаршалом имперской армии.

В начале января 1642 г. гессенский контингент из 3000 человек выступил к Рейну на соединение с союзной франко-веймарской армией

де Гебриана. Командуя ротой, капитан Бауман принял участие в этом походе. Французы и веймарцы переправились через Рейн в районе Везеля и, уже вместе с гессенцами, захватили Вердинген и Линн, опустошая области Нижнего Рейна. Общая численность союзных войск насчитывала 9000 человек. *«Гессенцы и веймарцы под начальством графа фон Эберштейна и маршала де Гебриана, вторглись в архиепископство Кельнское, чтобы перезимовать там. На защиту от этих непрошенных гостей курфюрст призвал императорского генерала фон Гацфельда и собрал свои войска под началом генерала Ламбуа»*¹⁰. Имперский генерал Ламбуа с 9000 войском перешел Маас, и между Крефельдом и Санкт-Тенис занял сильную оборонительную позицию. 16 января 1642 г. состоялось сражение, известное как битва при Кемпене. Союзники разгромили имперскую армию, которая потеряла две тысячи убитыми и столько же пленными. Сам Ламбуа был взят в плен, вместе с большим количеством офицеров. Войска Эберштейна и Гебриана беспрепятственно вторглись во владения архиепископа. *«Эта крупная победа открыла им доступ ко всему курфюршеству и смежным землям, так что они не только водворились здесь на всю зиму, но и получили значительное подкрепление людьми и лошадьми»*¹¹.

В начале лета 1642 г. франко-веймарская армия Гебриана направилась в Тюрингию, а гессенцы решили укрепиться на Нижнем Рейне. Среди захваченных ими укреплений был замок Бохольц (*Bocholtz*), видимо не имеющий серьезного оборонительного значения. Владелец замка, Арнольд фон Бохольц, сбежал вместе со своей семьей перед появлением гессенцев. Как следует из письма Баумана, граф Эберштейн, оценив военно-инженерные познания Баумана, предложил ему в качестве «главного инженера» возглавить строительство новой крепости в Бохольце. Крепость должна была стать опорой ландграфства Гессен-Кассель на занятых землях по берегам Рейна. Генерал обещал Бауману соответствующее жалование — сумму в 2880 рейхсталеров в течение 48 месяцев, отведенных на строительство¹².

На протяжении четырех лет (1642–1646 гг.) Бауман руководил строительством указанной крепости (современный Буххольц к югу от Дуйсбурга). Гессенские полки в это время осаждали Дюрен, взяли контрибуцию с Аахена (1642 г.) и под началом нового командующего — генерал-майора фон Гейса отличились в сражении при Аллерсгейме

(2 августа 1645 г.). В этой кровавой битве союзные франко-гессенские войска под руководством принца Конде полностью разгромили баварскую армию фельдмаршала Мерси.

Примерно в 1644 г. генерал-майор Эберштейн оставил гессенскую службу, не получив положенного жалованья. Капитана Баумана постигла та же участь. Обещания генерала остались только словами. Крепость была построена, но денег за свои труды Бауман не увидел. Когда он покинул Гессен, ему выдали всего 500 рейхсталеров. Вернувшись в Гольштейн и уже находясь в Хайде, он написал письмо герцогу Фридриху Гольштейн-Готторпскому (от 28 июня 1646 г.) в котором просил последнего обратиться к ландграфине Амалии с тем, чтобы она выплатила положенные ему деньги¹³. Капитан хотел вернуть хотя бы 1500 рейхсталеров, потраченные на наем роты, а также получить сумму, обещанную Эберштейном, за строительство крепости. В письме Бауман описал свою службу в гессенской армии и просил герцога быть посредником в получении жалованья. Герцог обещал помочь и в июле 1646 г. направил соответствующее письмо ландграфине Гессен-Касельской, но, вероятно, капитан так и не дождался своих денег.

Далее, согласно данным историка Э. Коха, Бауман отправился на войну с турками и участвовал в знаменитой обороне Кандии¹⁴ (совр. Ираклион) на Крите. После окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) в Германии осталось большое число невоинствующих офицеров и наемных солдат, которых охотно вербовала Венецианская республика для защиты своего самого ценного владения — острова Крит (итал. Кандия) от агрессии Османской империи. По словам английского дипломата и историка той эпохи Пола Райкота, Кандия — «наиболее неприступная крепость в мире», была укреплена *«...с таким искусством и мастерством, какие только человеческий ум этого века был способен изобрести»*¹⁵. Борьба за Кандию показала пример самых разнообразных способов ведения войны. Надо полагать, что при защите этого города Бауман получил весьма ценный опыт в фортификации и применении артиллерии.

Сообщение Э. Коха получило наглядное подтверждение в виде обнаруженной нами карты Кандии, составленной Н. Бауманом. Данная карта демонстрирует его прекрасные способности художника и картографа. Обстоятельства создания этой карты следующие:

В 1647 г. принц Леопольд Филипп Карл цу Сальм (Зальм) набрал кавалерийский полк для службы Венецианской республике против турок, который в том же году отправился на остров Крит. Полк его, очевидно, был нанят и принят на полное довольствие Сенатом Венецианской Республики. Фактически возглавлял его подполковник, назначенный принцем цу Сальмом, имя которого пока не удалось установить. Сам принц убыл на службу в армию герцога Карла IV Лотарингского в чине генерал-майора кавалерии. Пока Сальм сражался с французами во Фландрии, Бауман изучал фортификационные сооружения Кандии и окрестности города. Результатом данного исследования стал удивительный изобразительный источник — карта Кандии 1647 г. авторства Николая Баумана. Она не только удостоверяет факт пребывания Баумана на Крите в 1647 г., но и предполагает нахождение его в полку Сальма уже в указанном году. На картуше к карте (в левом верхнем углу) на латыни помещен текст: *«Города Кандии турком в 1647 г. осажденного чертеж авторства Николая Баумана, главного легата легиона светлейшего принца в Зальме и минера. Амстердам, у Петера Мортъе»*¹⁶. Судя по подписи, карта была издана позднее в Амстердаме (Нидерланды) у книгоиздателя П. Мортъе. Данная карта нарисована уже после начала осады, поскольку на ней обозначены турецкие позиции вокруг города.

Достоверно известно, что уже к маю 1648 года (началу первой осады) кавалерийский полк принца цу Сальма входил в состав гарнизона Кандии, и сражался там во время первой обороны города (май — ноябрь 1648). Очевидно, что кавалеристы Сальма принимали участие и в следующей обороне Кандии (в 1649 г.). Вероятнее всего, Бауман участвовал в первых боях с османами между 1647 и 1650 гг., совершенствуя свои знания в военно-инженерном, артиллерийском, минном и гранатном деле. В этот период обороны интернациональный гарнизон города успешно отражал все атаки османской армии на крепостные бастионы. Активные боевые действия продлились до зимы 1649/50 гг. и, вероятно, лишь после наступления долгого затишья на «турецком фронте», Бауман вернулся домой.

После нескольких лет службы в армиях разных государств Николас достиг звания полковника. Где и когда он получил это звание, установить не удалось. Первый раз он упоминается в этом чине в самом

начале 1652 г. К тому же году относится и одна почти шпионская история, главным действующим лицом которой стал полковник Бауман. Считаю необходимым кратко рассказать о ней, чтобы понять характер его отношений с датским королем Фредериком III, который в последующем неоднократно демонстрировал Бауману свое особое доверие и расположение.

Итак, в феврале 1652 г. Бауман, уже полковник, находился в Гамбурге, когда узнал о тайном заговоре против датского короля Фредерика III. Бауману стало известно, что бывший королевский канцлер Корфитц Ульфельд, обвиненный в измене и бежавший из Дании в Германию, вместе со сводным братом короля графом Вальдемаром Христианом Шлезвиг-Голштейнским (бывшим женихом царевны Ирины), решили свергнуть датского короля с помощью армии герцога Лотарингского. В беседе с Бауманом герцог Карл IV Лотарингский расспрашивал его о «...свойствах дорог и рек, ведущих в голиштинские земли и в Ютландию». Со слов Баумана, принц Сальм, в 1647–1650 гг. состоявший на лотарингской службе, сообщил ему подробности подготавливаемого предприятия из-за «особой преданности датскому королю»¹⁷. Заговорщики просили у герцога 4000 всадников и собирались нанять еще 3 полка пехоты, заручившись тайной поддержкой нескольких датских вельмож, противников Фредерика III. Через своего наместника графа Рантцау, король поручил Бауману провести расследование заговора с участием герцога Лотарингского. Вероятно, Бауман успешно справился с порученным заданием, раздобыв необходимые доказательства, поскольку был щедро награжден королем.

Сейчас трудно судить, насколько опасной могла бы стать эта авантюра для датского престола. Однако из истории хорошо известно, что алчный и мстительный Ульфельд, ранее фактически бывший правителем Дании, неумолимо плел заговоры против Фредерика III, не брезгуя сомнительными союзами с врагами своей родины. Озлобленный конфискацией своих имений, Ульфельд склонял Швецию и Англию к войне с Данией. Учитывая, что такого опасного противника не стоило недооценивать, у датского короля были все основания выяснить детали этого дела.

Возможно, кому то вся эта история с заговором может показаться плодом воображения нескольких лиц, если бы не следующий факт.

В мае 1652 г. «по призыву герцога Орлеанского и Анны Австрийской на территорию Франции вступили войска герцога Лотарингского Карла IV. Этот герцог без герцогства, беспринципный и безжалостный кондотьер, привел 8 тыс. наемников...». Лишь знаменитый Тюренн путем переговоров и военных маневров «принудил герцога покинуть пределы Франции», что в дальнейшем позволило маршалу выиграть последнее сражение Фронды¹⁸.

Кто знает, может первоначальной целью герцога был не Париж, а Копенгаген? Как развивались бы события, если бы вместо Франции он направил свои полки на столицу Дании?

Не исключено также, что близостью ко двору Фредерика III Бауман отчасти был обязан королевскому советнику, юристу и дипломату Реймару Дорну, с которым полковник был в родственных отношениях¹⁹.

Спустя три года мы видим Баумана на службе Швеции в войне против Речи Посполитой (1655–1660). Из документов известно, что 15 февраля 1655 г. герцог Франц Эрдман фон Саксен-Лауенбург, будучи в Стокгольме, набрал конный полк рейтар из 8 рот по 75 чел. в каждой. Полк участвовал в походе на Польшу в составе армии фельдмаршала А. Виттенберга. В числе офицеров Николас значится в чине подполковника²⁰. Полк Саксен-Лауенбурга сражался в битве при Жарнове (16 сентября 1655 г.), одном из самых больших сражений времен шведского «Потопа». Вероятнее всего, Бауман принял участие в этом сражении, закончившемся полной победой шведского монарха Карла X Густава над польским войском короля Яна Казимира. Однако уже в следующем году Бауман покинул шведскую службу и вернулся в Данию. В 1656 г. его имени нет ни в списках этого полка, ни в других полках шведской армии. Уход Баумана со шведской службы вероятно можно объяснить предстоящей войной Дании со Швецией.

В том же году принц Сальм предложил полковнику Бауману возглавить пехотный полк во французской армии, поскольку принц поступил на службу к королю Людовику XIV в качестве генерала немецких и лотарингских войск. Бауман ответил отказом, поскольку, по его словам, он уже «состоял на службе у датского короля». Полковник не согласился, несмотря на то, что прекрасно понимал, что тем самым «обеспечил бы себе известность в войсках и во французской столице, как он желал»²¹.

В 1657 г., когда Бауман приехал к королю Фредерику III, Дания вела активную подготовку к войне со Швецией. В то время в Датское королевство прибыло большое количество немецких офицеров, но существующие королевские полки уже были обеспечены командным составом. Чтобы сформировать новый полк, помимо профессиональных способностей, нужно было иметь приличную денежную сумму или получить немалый кредит (займ). Способный, но не имеющий финансов полковник не захотел служить в низших чинах, надеясь на то, что он сможет найти денег для набора полка. Увы! Военное дело тогда было не только службой, но и бизнесом.

Согласно рукописи биографического словаря датских офицеров Дж. К. В. Хирша и К. Хирша, написанной около 1900 г., летом 1657 г. «*полковник Никлас Бауман*» сопровождал датскую армию в походе в Сконе, находясь в свите короля²². Видимо с монархом у него сложились очень хорошие отношения, поскольку впоследствии Фредерик неоднократно просил Баумана вернуться к нему на службу и сам полковник постоянно называл себя «*датским подданным*». Однако служить в датской армии ему так и не пришлось. По результатам разысканий профессора Г. Линда выяснилось, что Бауман никогда не находился на действительной датской службе, не заключал контракт и не получал полномочий от короля, то есть ему так и не удалось набрать полк. Возможно, король мог предоставить ему должность военного инженера, но вряд ли это устраивало честолюбивого офицера.

В это время произошло событие, изменившее всю его жизнь.

Летом 1657 г. в Копенгагене находилось русское посольство князя Даниила Ефимовича Мышецкого, который вел переговоры о союзе Дании с Московским государством для войны против Швеции. Мышецкий также имел поручение приглашать на русскую службу разных «*полезных офицеров*», которых очень не хватало в полках нового строя. Встретив Баумана, посол предложил ему поехать в Москву, обещая от имени царя дать ему под начало полк солдат. При этом полковнику не нужно было формировать его за свой счет, так как от набора наемных солдат в России отказались после неудачной Смоленской войны 1632–1634 гг. Это очевидное преимущество, обещание высокого жалованья, а также возможно тот факт, что в начале сентября 1657 г. герцог Фридрих Гольштейн-Готторпский заключил союз со Швецией

против Дании (попытка остаться на датской службе могла привести к тому, что Бауману пришлось бы воевать против своей родины), повлияли на решение полковника ехать в «далекую Московию».

Для найма Баумана и сопровождающих его лиц Мышецкому пришлось брать деньги в долг у купца из Любека. В документах РГАДА сохранились следующие подробности этой сделки. Мышецкий, «...будучи в дацкой земле занял у любченина у Ягана Фангорна *шестьсот пятьдесят золотых*, и с того числа дал он полковнику Миколаю Бовмону на подъем до курляндские земли в месячной корм *взачот двесте тридцать золотых*, да им же купил на корабль хлеба и всякого запаса на *шестьдесят на пять золотых* и на *полтора ефимка огнестрельному мастеру Аицу Янцену в месячной корм взачот пять золотых*, всего *триста золотых* и *полтора ефимка»*²³. Впоследствии эти деньги были вычтены из жалованья Баумана и «огнестрельного мастера»²⁴.

20 сентября 1657 г., для завершения переговоров о наступательном союзе против Швеции, в Россию отправилось датское посольство Ганса Ольделанда. Вместе с этим посольством выехали полковник Николас Бауман, а также сопровождавшие его офицеры и слуги: подполковник Альбрехт Шневенц, майор Николай Фанзален, пять капитанов, в том числе «*гранатный мастер*» Самойло Бейм (Бемен) и «*огнестрельный мастер*» Яган Янцен, лекарь и адъютанты (всего 15 чел.)²⁵. Известно также, что вместе с полковником в дальний путь отправилась его жена Маргарита.

Как видно из вышеприведенного документа, Бауман и его спутники добирались в Россию на корабле через порты Курляндии (Виндаву или Либаву), благополучно миновав встречи с военными кораблями Швеции, с которой Россия вела войну. Контракт был заключен на три года, но пребывание Баумана в России затянулось на 13 лет.

В РГАДА сохранился перевод письма Баумана от 6 января 1658 г., отправленного царю Алексею Михайловичу из села Вяземы на пути к Москве. В письме, в частности, сообщаются подробности найма полковника на царскую службу. По словам Баумана, еще в 1655 г. он познакомился с «*гостем*» (купцом) Фангорном, который предлагал ему поехать в Россию, а в 1657 г. свел его с царским посланником в Копенгагене кн. Д. Е. Мышецким. Бауман нанялся на службу царя и получил

задание найти «инженеров подкопщиков и огненных мастеров». На их поиск он потратил «не мало целой год, туда и сюда езжучи тружался, и с великими трудами и убытки» обещание свое выполнил и, при этом, «добыл таких прехвалных и добро ведомых мастеров», что «лутчих не свете приискать немочно»²⁶. Полковник сообщал о трудностях путешествия, задержках в дороге и о том, что его люди в деньгах «издержались» и пребывали в «великой нужде»²⁷.

Бауман в России

9 января 1658 г. в Вязьме на подъезде к Москве Николас Бауман написал свою челобитную государю. Судя по всему, в ней он расписывал свое знакомство с князем Мышецким, обстоятельства найма на службу, а также перечислял свои навыки. В описи Посольского приказа значилась «Челобитная, писана по-тетратному немецким писмом полковника Бовмана, прислана к Москве из Вязмы во 166-м году генваря в 9 день»²⁸.

В середине января 1658 г. Николас Бауман прибыл в Москву. Он и приехавшие с ним офицеры были приняты в Посольском приказе и щедро награждены: «Великого государя жалованье дано им на приезде: полковнику Миколаю Бовману кубок золочен с кровлею в 4 гривенки, ковш серебрян»²⁹. Полковник был также пожалован бархатом, камкой, сукном, соболями и деньгами. В списке принятых на русскую военную службу офицеров он был назван как «...Датския земли полковник, и инженер, и гранатный мастер Миколай Бовман»³⁰. К сожалению, некоторые дела, касаемые приезда датчанина, оказались утеряны еще в XVII в. В описи Посольского приказа отмечен «...Столи 166-го году, приезд к Москве <...> датченина служилого иноземца Николая Бовмана, от мочи сгнил и мыши изъели»³¹.

Среди сохранившихся документов имеются записи о том, что кроме него на службу приняли «инженера и гранатного мастера» подполковника Альбрехта Шневенца (*Albert Schnewens*), «инженера и подкопного мастера» майора Миколая Фанзалена (*Nicolas von Zalen*), «гранатного мастера» Самойло Бейма (*Samuel Beete*), «огнестрельного мастера» Ягана Янцена и других³². Таким образом, на царскую службу взяли всю его высокопрофессиональную команду, привезенную им в Россию. Самому полковнику с 1 мая 1658 г. назначили государево

денежное жалование «*по сту триццати ефимков*» и «*поденного корму из Новгородской четверти*». Подполковник, майор и капитан — «*гранатный мастер*» получали с этого времени по 100 «*ефимков*», остальные — по 20³³.

Как военный инженер и специалист в артиллерийском деле, Бауман и его офицеры были определены в Пушкарский приказ, которым тогда руководил князь Юрий Иванович Ромодановский. Ромодановский стал его непосредственным начальником и, хотя сам глава приказа не имел никаких выдающихся способностей, следует отдать ему должное, он сумел оценить энергию и таланты своего подчиненного. Пушкарский приказ был центральным государственным учреждением в Московском государстве, руководившим производством, учетом, распределением артиллерийских орудий и боеприпасов, пушкарями и казенными кузнецами. В ведении данного приказа находилась важнейшая часть материальных орсредствами обороны страны, а именно: орудия, боеприпасы, порох, фортификационные и инженерные укрепления в большинстве городов России. Он занимался не только внутренним производством артиллерии и припасов к ней, но и зарубежными заказами. В подчинении Пушкарского приказа находились Московский и городские пушечные дворы. Центральным предприятием по производству вооружения был Московский пушечный двор. В указанное время это было крупное предприятие, изготавливавшее бронзовые орудия различных калибров для полковой, полевой и осадной артиллерии, способное за короткие сроки выпускать большое количество однотипного вооружения. «Мануфактурное производство неизбежно порождало типовое вооружение. Этому же требовал и боевой опыт использования артиллерии. Таким образом, как предприятие, так и правительство были одинаково заинтересованы в производстве однотипных орудий»³⁴.

Артиллерийские проекты Баумана

Еще Е. Е. Колосов в своей работе «Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века» отметил, что «...*вопреки широко распространенному взгляду, эти годы вовсе не были периодом технического застоя и рутинны. Напротив, они характерны большим количеством экспериментальных работ, отказом от уста-*

ревших пицалей различных калибров и созданием новых, более совершенных образцов артиллерийских орудий, в дальнейшем принятых на вооружение регулярной армии»³⁵. С начала 60-х годов, в связи с войной за Украину и Белоруссию, в Московском государстве начинается интенсивная деятельность по изготовлению однотипных и более совершенных, чем прежде, орудий.

Роль Николааса Баумана в создании регулярной русской артиллерии до настоящего времени не исследована ни отечественными, ни зарубежными историками. Именно с его именем можно связать начало реорганизации артиллерии во второй половине XVII в.

О том, что полковник собственноручно составлял чертежи и знакомил с ними государя Алексея Михайловича, свидетельствует дневник секретаря датского посольства Андрея Роде, в котором отмечено, что в апреле 1659 г. полковник показывал чертежи своих мортир и пушек, а также чертежи орудий, выполненных самим царем:

«11-го числа (апреля 1659 г.) полковник Бауман пригласил к себе секретаря и толмача и показал им чертеж огромной мортиры, которую предполагалось отлить в Туле, на литейном заводе Марселуса, из 8750 с чем-то пудов металла (считая каждый пуд по 40 фунтов). Но для того, чтобы мортира была получше, ее хотели отлить таким образом, чтобы пасть над камерой по желанию можно было разбирать на три части и складывать, и заделать винтами так, чтобы она опять была прочна и крепка, будто из одного куска. Модель гранаты к ней, которую предполагали отлить тоже в Туле из 14.050 фунтов железа, была так высока, что она доходила до подбородка довольно высокого человека. Для начинки этой гранаты требовалось 2000 фунтов пороху и для заряда камеры, для воспламенения гранаты двести фунтов пороху. Полковник показал нам тоже чертеж пушки, которую изобрел сам великий князь.

12-го числа г-н посланник отдал визит полковнику Бауману, который его принял очень любезно и показал ему чертеж большой мортиры, далее модель гранаты к ней и целый ряд чертежей пушек, которые предполагалось отлить»³⁶.

Далее в дневнике сообщается о том, что вышеуказанная мортира менее чем через месяц уже была изготовлена и должна была пройти испытания.

4-го числа (мая 1659 г.) «...полковник Бауман со своими офицерами должен был в присутствии великого князя произвести испытание мортиры и других огнестрельных орудий, но так как это расстроилось вследствие вышеизложенных вестей (сообщение о неудачном штурме Конотопа), Бауман навестил вместе с фон Дельденом г-на посланника»³⁷.

С деятельностью Н. Баумана связано и производство так называемых скорострельных пищалей. Идея повышения скорострельности орудий будоражила умы артиллеристов со времен изобретения артиллерии. Мастера пушечного дела на протяжении XV–XVII вв. неоднократно пытались создать такие типы орудий, которые могли бы произвести за короткий промежуток времени как можно больше выстрелов. В собраниях российских и зарубежных музеев сохранилось несколько образцов казнозарядных орудий³⁸. Как правило, каждый экспонат является единственным в своем роде и имеет свои индивидуальные особенности, характерные для работы того или иного мастера.

В России массовое производство единообразных орудий с клиновыми замками стало возможным благодаря стараниям Н. Баумана, по чертежам которого с 1659 по 1671 г. было создано несколько оригинальных образцов пушек, некоторые из которых впоследствии нашли воплощение в серийном производстве.

Согласно дневнику секретаря датского посольства в Москве Бауман изобретал «...полевые пушки, для передвижения которых было достаточно одной лошади, причем для приведения их в действие требовалось всего два человека прислуги. Ввиду того, что эти пушки были вылиты с камерами и заряжались сзади, их можно было заряжать и производить из них выстрелы быстрее, чем это мог сделать самый ловкий солдат при стрельбе из своего мушкета»³⁹. Обращение к архивным документам подтверждает слова А. Роде. Созданные полковником казнозарядные орудия малого калибра (в 3/4 фунта) стали поступать на вооружение солдатских полков. В 1660 году по указу царя для «...солдатцкого строя полку Миколая Бодмана салдатам на 1000 на 319 человеком» из Пушкарского приказа было выделено 8 «пушечек скорострельных с клином» на легких станках, «да под ними 16 колес на 2 колеса...»⁴⁰.

Более крупные «скорострельные пищали» пришлось заказывать за границей. По рекомендации Н. Баумана через царского агента

Иоганна фан Горна в Голландии и Германии у мастеров Николаса Визе и Германа Генинга был оформлен заказ на изготовление 3-фунтовых с пищалей «*мерю 2 аршина*» (1.42 м). В 1660 г. новые пищали были привезены в Россию⁴¹. Известно, что уже с 1662 г. русские мастера на Пушечном дворе делают орудия таких же размеров. В деле Пушкарского приказа о работах мастера Х. Иванова имеются свидетельства, что литейщик «...170-м году он же вылил 2 пищали скор(о)стрельные, 6 пищалей полковых по 3 гривенки ядро, длиною по 2 аршина»⁴². В «*росписи медному наряду, присланному из дворца*» 1671 г. за подписью дьяка Д. Ертусланова, упомянуты в количестве шести штук «*пищали скорострельные с клином железным* (выделено мной — А. Л.)» весом от 10 до 11 пудов и длиною чуть менее 2 аршинов⁴³.

В делах канцелярии Главной Артиллерии и Фортификации 1756 г. сохранился «*репорт*» Оренбургской Артиллерийской команды в Санкт-Петербург, в котором приводится чертеж орудия, заказанного у Н. Визе 1660 г. Орнамент ствола состоял из поясков и узорных фризов, узорной рамки, герба, украшенных дельфинов и торели. Инициалы представителя заказчика от русского правительства «*I. V. G.*» (Иоганн фан Горн), а также автограф мастера («*Niclas Wiese me fecit in Lubeck. 1660*») указаны на средней части ствола⁴⁴.

Можно с уверенностью сказать, что Бауман имел прямое отношение к заграничным заказам артиллерии через царского резидента фан Горна. Так, сохранилось несколько описаний 3-фунтовых орудий с длиной ствола уже не в два, а в три аршина (2.13 м), на которых был «...*вылит орел двоеглавой, а над главами у него три коруны с крестами, а в правой ноге держит яблоко с крестом, а в левой ноге держит скипетр*». Надписи по-латыни перечисляли: «*полковник Миколай Бауман да Яган Фан Горен... лета 1660, мастер Герман Енниинк, слита в городе Горбурьи*»⁴⁵.

Сохранилось пять описаний однотипных 3-аршинных пищалей, отлитых в Европе:

Таблица 1. Скорострельные пищали по чертежам Н. Баумана

калибр	длина ствола	вес	дополнительные сведения
3 фунта	3 аршина	10 пуд	«орлы двоеглавые со скипетры с яблоки, над главами 3 карунки с кресты, у выходу и у ушей травы да 2 льва, да подписи по-латыни: «приказал делать Яган Фангорен, мастер Миклас, вылиты в Липске городе лета 1669»»
3 фунта	3 аршина	10 пуд	«орел двоеглавой со скипетром с яблоком, над главами 3 карунки с кресты, у выходу и у ушей травы да 2 льва, да подписи по-латыни, имена полковников Николая Бовмана да Ягана Фангорена, лета 1602, мастер Герман Энкин»
3 фунта	3 аршина	10 пуд	«орел двоеглавой с карункюю, и со крестом, и с скипетром, и с яблоком, да травы, а промеж трав чешуя, да по латыни имена: полковники Николай Бовман да Яган Фангорен, а лита 7032, мастер Герман Энкин»
3 фунта	3 аршина	10 пуд	То же
3 фунта	3 аршина	10 пуд	То же

Помимо этих «*скорострельных пищалей*», по чертежам того же Баумана в Европе были заказаны «*дробовые пищали*». Они имели массу не более 170 кг, короткий ствол в аршин 6 вершков (0.96 м) с раструбом в дульной части для веерного разлета дроби. Орудие заряжалось готовыми картузами, состоящими из заряда и пулек.

Таблица 2. Дробовые пищали по чертежам Н. Баумана⁴⁶

калибр	длина ствола	вес	дополнительные сведения
6 фунт.	аршин 6 вершков	9 пуд 30 фун.	«на ней у запалу вылит орел двоеглавой, над главами 3 карунки со кресты, в правой ноге яблоко со крестом, а в левой ноге скипетр, да подпись по латыни: Николай Бовман да Яган Фангорен, да промеж ушей вылита личина в травах, да у выходу вылиты травы же»
6 фунт	аршин 6 вершков	8 пуд 25 фун.	То же
6 фунт	аршин 6 вершков	8 пуд 25 фун	То же
6 фунт	аршин 6 вершков	8 пуд 30 фунт	То же
6 фунт	аршин 6 вершков	?	То же
6 фунт	аршин 6 вершков	10 пуд 34 фунт.	То же
6 фунт	аршин 6 вершков	8 пуд 26 фунт	То же
6 фунт	аршин 6 вершков	9 пуд	То же

Новой скорострельной артиллерией снабжался не только regiment Н. Баумана, но и два многолюдных выборных полка. В августе 1661 г. майор из полка А. А. Шепелева должен был получить «...железа белого на картузы к пушкам 500 листов». Из жести делали «вкладни» или «жестяные трубные картузы»⁴⁷ для заряжания с казенной части. К «полковым скорострельным пушкам» изготовили 1000 вкладных металлических картузов⁴⁸. Всего в 1660-х гг. данный полк имел на вооружении до 14 пищалей, из них скорострельные 3-фунтовые составляли половину полковой артиллерии⁴⁹.

В Отделе рукописей РНБ хранится «список с росписи, что приказал князь Юрьи Иванович далé делать, а написал своєю рукою». Документ не имеет даты, но можно предположить, что он был написан в промежутке между 1665 и 1675 гг. (в это время князь Ю.И. Ромодановский «сидел» в Пушкарском приказе): «Зделать 24 пушек скорострельных <...> К 24 пушкам скорострельным и дробным 150 картуз к пушке с ядрами да по полтараста картуз к пушке дробовых, и всего к 24 скорострельным пушкам с ядрами и дробных картуз 3600 надобно...»⁵⁰.

Итак, согласно содержанию документа была принята классификация скорострельных пушек на дробовые и на заряжаемые ядрами. Обратим внимание: вся формулировка о производстве сводится к лаконичной фразе («зделать 24 пушек скорострельных»), а параметры нужных орудий (калибр, длина, конструкционные особенности и т.д.) не приводятся. Очевидно термин «скорострельные» в те годы обозначал совокупность определенных признаков (т.е. тот же калибр, длина и т.д.). И если дьяки писали о производстве скорострельных пушек, то они, а так же мастера, получавшие указания, ясно представляли себе, что речь идет об одинаковых орудиях такого-то калибра, таких-то размеров, и поэтому не приводили их измерений, дополняя заказ всего лишь короткой фразой: «сделать по прежнему образцу».

Впоследствии длина ствола казнозарядных скорострельных пищалей была удлинена до 4 аршинов, что соответствовало общей тенденции увеличения дульной части орудий в полковой артиллерии. По фрагментам описи московских орудий 1695 г., сохранившейся в копиях академика И. Х. Гамеля, можно проследить, что данный тип полковых орудий отливался с 1662 по 1671 гг. Большинство пищалей было сделано в 1669 г.⁵¹ Но трудоёмкая технология производства

требовала от мастера профессиональной сноровки. Даже опытному литейщику не всегда удавалось сделать орудие с первого раза. В протоколе испытаний новых орудий 1671 г. записано, что на проверочной стрельбе «...разорвало **пищаль скорострельную с картузом Харитонова литья Иванова 3 гривенки ядро, длина 4 аршина, весу 32 пуда** (выделено мной — А. Л.)»⁵².

Нередко новоотлитые казнозарядные орудия показывали представителям иностранных государств во время посольских встреч. Наверное, именно такие пушки видел во время пребывания посольства Г. Оксеншерны в Москве шведский артиллерист и инженер Эрик Пальмквист, который в своем шпионском отчете королю Карлу XI изобразил «...редкий пример образца артиллерийского орудия, заряжаемого сзади и чрезвычайно быстро готовыми зарядами, что устраняет возможность ошибки при поспешном заряжании»⁵³.

Но сложность в изготовлении и дороговизна скорострельных орудий не позволили им занять нишу основного артиллерийского вооружения пехотных полков «иноземного строя».

С именем Баумана связана история с испытанием и производством деревянно-земляных орудий. В его полку служил «гранатный и огнестрельный мастер» Ганс Тимсон, ученик Фридриха Гетканта (*artillerieleutnant Friedrich Getkant*, 1600–1666 гг.), немца по происхождению, знатока фортификации, артиллерии и механики. Узнав о том, что Тимсон перенял от своего учителя секрет деревянно-земляной пушки, Бауман приложил все усилия, чтобы это эрзац-орудие было сконструировано и успешно испытано на полигоне. Позже несколько «деревянных верховых пушек» были успешно применены при осаде Соловецкого монастыря в 1675 г.⁵⁴

Приведенными выше примерами отнюдь не исчерпываются все проекты создания необычных артиллерийских орудий, появившихся тогда в России. Эксперименты Н. Баумана и других офицеров Гранатного двора находили полную поддержку со стороны русского правительства, желавшего иметь на вооружении армии самые современные и качественные образцы артиллерии.

Бауман не только руководил созданием новых моделей орудий в 1658–1670 гг., добиваясь унификации артиллерии, но, как следует из документов, лично рисовал чертежи, участвовал в изготовлении

орудий, изобретал новые образцы пушек, мортир и боеприпасов к ним.

Однако не все удачные проекты были реализованы в серийном производстве. Хотя некоторые артиллерийские образцы технически опережали время, но сложность их изготовления, чрезмерная затратность, недостаток квалифицированных кадров не позволили развить новые идеи дальше. Казнозарядные орудия со сложной конструкцией уступили место простым дульнозарядным пищалям, массовое изготовление которых было освоено к 1670-м гг.; по разным причинам не получили дальнейшего развития и другие артиллерийские проекты. Темне менее, следующие слова шведского дипломата и военного резидента Э. Пальмквиста, прибывшего в Россию в 1674 г., звучат настоящим панегириком русской артиллерии начала 1670-х гг., достигшей к этому времени высокой степени технического совершенства: *«Русские имеют прекрасную артиллерию, которая включает в себе не только образцы орудий, принятых у нас, как в полевой, так и в полковой артиллерии, но представляет, помимо того, свои небольшие особенности»*⁵⁵. Дополняя это сообщение, Пальмквист замечает, что русские *«...стреляют довольно метко и что их артиллерия снабжена как хорошими пушкарями, так и сведущими мастерами»*⁵⁶.

Производство оружия по чертежам Н. Баумана

С приездом в Москву в 1658 г. Бауманом были предложены проекты новых вооружений и укреплений. Согласно записям секретаря датского посольства, в 1659 г. Н. Бауман *«...составил проект укрепления из телег, в котором могли поместиться больше 1600 человек всадников и пеших, и которым можно было пользоваться на коротких и дальних переходах при нападениях казаков и татар»*⁵⁷. Последнее замечание любопытно тем, что не ясно, о чем именно идет речь. Укрепление из обозных телег «вагенбург» для отражения атак неприятельской кавалерии было известно и ранее. Либо Бауман как-то усовершенствовал русский «обоз», либо перевод не точен и полковник предложил нечто новое в России.

Известно, что после приезда Николаса Баумана в Россию, в Москве стал функционировать целый комплекс военных лабораторий, получивший название *«Гранатный двор за Никитскими воротами»*.

Существует прямая связь между приездом Баумана и строительством Гранатного двора. Во-первых, Гранатный двор впервые упоминается тогда, когда в Москву прибыл *«гранатного дела мастер Миколай Бовман»*. Во-вторых, именно этот офицер и возглавил с 1659 г. все инженерные и строительные работы на Гранатном дворе. В том же году Бауману была поручена организация особого полка, все офицеры которого по совместительству являлись *«огнестрельными мастерами»* Гранатного двора, большая часть которых приехала в Россию вместе с полковником: Самойло Бейм (Бейзман), Яков Янцен, Яков Старк, Юст Фан-Керковен, Андреян Фан-Керковен, Готфер Гербст, Адриан Меллер, Федор Мейер, Карл Яган, Василий Шварт, Альбрехт Шневенц, Николай фон Зален и др.⁵⁸ Особой категорией служащих были химики, испытатели составов *«огненных смесей»*. В штате двора упоминается *«алхимист»* Миколай Викторов Греченин. Помимо мастеров, занимавшихся разработкой огнестрельного оружия, в штате Гранатного двора числились *«латной мастер Назар Близловский»*, *«Гранатного двора зеркального дела сборщик»* Григорий Тараканов, *«мастер подъемных дел Гранатного двора»* Матиас Янцын, *«седельный мастер Маркус Вин»*, *«латной мастер Ян Корет»*, *«часовые мастера московского Гранатного двора»* Роберт Джарит и Адриан Крик⁵⁹.

Сам Бауман не раз ходатайствовал перед начальником Пушкарского приказа Ю. И. Ромодановским о переводе в его часть новых талантливых офицеров. Например, в августе 1670 г. он подал прошения, в которых указывал на необходимость определить иноземцев Л. Линенберга⁶⁰ и И. Цудерланда⁶¹ для *«огнестрельных дел»* в штат его полка и Гранатного двора.

«Огнестрельные мастера» артиллерийской части Н. Баумана проводили весьма успешные эксперименты по стрельбе разрывными снарядами из длинноствольных орудий. Дело в том, что стрельба гранатами из кулеврин обычно не практиковалась — она требовала сноровки и высокого мастерства, потому что снаряды часто разрывались внутри ствола. Одним из таких артиллерийских специалистов был могилевский еврей Исачка (в православии — Яков), который в 1658–1659 гг. *«...научен совершенно огнестрельным и гранатным делам, и из верховых и из длинных пушек гранаты стрелять укажет. Да ему ж, Якушке, дана для учения огнестрельных и гранатных дел и для всяких тайных*

промыслов немецкого языка печатная книга и велено ему, Якушке, быть генерала-поручика в Миколаеве полку Бовмана»⁶².

Численность мастеровых людей постоянно росла: если в 1666 г. список служащих двора насчитывал всего 27, то к 1670 г. он вырос более чем вдвое: согласно документам Пушкарского приказа «... годового жалованья генерала Миколаева полку Бодмана начальным людям полковником и капитаном и порутчиком и прапорщиком и Гранатного двора мастеровым людям русским и иноземцом выдано на 68 чел.»⁶³.

Мастера создавали не только новые орудия, но и петарды (воротные мины) и снаряды (разрывные гранаты). Так, к октябрю 1669 г. на Тульско-Каширских заводах Марселиса изготавливались «... пушечные ядра и гранаты, которые для посылок в полки и **по чертежем генерала Миколая Бовмана зделаны** (выделено мной — А. Л.)»⁶⁴.

Помимо огнестрельных «снастей» Николас Бауман вместе с инженерами Гранатного двора разрабатывал образцы холодного оружия. Например, в декабре 1668 г. на Тульских и Каширских заводах «... велено зделать 2000 бердышей с укладом самых добрых по чертежу, каков чертеж подали в Пушкарском приказе генерала Миколаева полку Бовмана полковники Альбрехт Шневенц да Миколай Фанзален»⁶⁵. Бердыши «против образца» были сделаны, о чем сообщал П. Марселис, «и сталь немецкая на них положена как ведетца»⁶⁶.

Чертежи представлялись для ознакомления в личную канцелярию царя — в приказ Великого государя Тайных дел. В документах этого ведомства упоминаются «... тетради, в которых писаны главы гранатным составам, тетради ж о наряде и огненной хитрости, как стрелять и бросать на городские приступы», «чертеж гранате, чертеж бомбам, гранатам, чертеж ко артиллерии, чертеж мортирной, <...> чертежи в столбцах пушкам со станкам» и т.д.⁶⁷ Не исключено, что большинство этих рукописей, заметок и чертежей были преподнесены самим Бауманом.

Известна также деятельность Николаса Баумана в составлении артиллерийских наставлений и трактатов. В одной из описей бывшего архива Министерства иностранных дел 1826 г. зафиксировано упоминание об одном трактате: «Артиллерийская книга на немецком языке, посвященная царю Алексею Михайловичу генерал-лейтенантом Николаем Бауманом 1666 года»⁶⁸. В описи содержится пометка об изъятии

в императорскую коллекцию: «Оставлена государем императором Николаем Павловичем у себя, по письму графа Нессельрода от 28-го сентября 1826 года». Скорее всего, трактат Николаса Баумана был безвозвратно потерян во время страшного пожара Эрмитажа 1837 г. Увы, к нашему большому сожалению, этот, вероятно главный научный труд Баумана, не сохранился. Можно только догадываться, какие новые технические идеи и предложения в отношении развития артиллерии были в указанном трактате, и что могло сто шестьдесят лет спустя заинтересовать военного реформатора, каким был Николай I.

Таким образом, с деятельностью Николаса Баумана связаны значительные реформы в русском вооружении в период 1658–1670 гг

Бауман — герой Конотопской битвы (1659)

В сентябре 1658 г. гетман Войска Запорожского Иван Выговский заключил Гадячский договор с поляками, согласно которому Украина снова возвращалась под власть Речи Посполитой. В Москве долго не хотели верить в открытую измену гетмана, но когда он, соединившись с крымско-татарской ордой, начал военные действия против русских войск, на Украину была направлена армия под командованием кн. А. Н. Трубецкого. 19 апреля 1659 г. Трубецкой осадил крепость Конотоп, в которой укрепился сторонник Выговского — Нежинский полковник Г. Гуляницкий. Осада Конотопа продолжалась более двух месяцев.

Полковник Бауман в это время находился в Москве. Продолжая служить в Пушкарском приказе, он также был назначен командиром полка солдатского строя. Эта воинская часть была расквартирована в окрестностях Тулы и насчитывала 3000 человек. Полк делился на два «полуполка», под командой двух подполковников — Альбрехта Шневенца (Шневица) и Ягана Варборга (Варберха). Майорами в «полуполках» были Николай фон Зален (Фанзален) и Фридрих Мейер⁶⁹. Солдаты названного полка были набраны летом 1658 г. «на Устюге из всех волостей». В апреле 1659 г. 1000 чел. из его состава были расквартированы в окрестностях Тулы⁷⁰, а еще 700 чел. находились в Мценске⁷¹.

Согласно данным А. Роде, в апреле 1659 г. по царскому указу майор Мейер с 1000 солдат из полка Баумана выступил на Украину. В начале мая пришло сообщение о неудачном штурме Конотопа и больших потерях осаждающей армии.

14 (4) мая полковник «...получил предписание готовиться немедленно со своими офицерами к выступлению в поход, так как великий князь (царь) приказал ему как можно скорее присоединиться к армии». Через два дня Бауман с офицерами был на приеме у царя, а 26 (16) мая со своим полком выступил на Украину⁷².

Согласно уточняющим данным «Боярской книги 1658 года», к Трубецкому был послан «...ис Приказу великого государя тайных дел» стряпчий Е. М. Лодыженский, с которым был «салдатуцкого строю полковник Миколай Бовмон с полком»⁷³.

В мае тульская часть полка под началом временного командира — Демида Хомякова была направлена в Севск, а мценская, — под командой Дмитрия Рагозина, — в Путивль.

Севский воевода кн. Г. Д. Долгоруков, осаждавший Глухов, получил царскую грамоту в которой было сказано, что как «...стряпчий Еуфим Лодыженской да полковник Миколай Бовман в Путивль придут», Рагозину быть там и всех «начальных людей и салдат по списку» передать под команду Баумана, а самому ехать к Москве к государю. 13 июня отряд Рагозина «пошел ис под Глухова в Путивль», в то время как Долгоруков остался осаждать Глухов. Под его началом было «служилых всяких чинов людей... конных и пеших тысяча сто три человека»⁷⁴. Солдаты Хомякова, находившиеся в отряде воеводы Дмитриева, также были отправлены в Путивль и переданы Бауману. Именно эти «устюжские салдаты» из Тулы и Мценска, согласно документу 1700 человек, вскоре «посыланы были под Конотоп»⁷⁵, где приняли участие в боях при отступлении армии князя Трубецкого от этого города 29 июня — 4 июля.

Известно, что 15 июня полк Баумана был еще в Путивле⁷⁶. Под Конотоп он мог прибыть менее, чем за две недели до битвы 28 июня. Таким образом, полк Николая Баумана численностью 1700 чел. присоединился к осадному войску во второй половине июня 1659 г.

Как выше было отмечено, полк Н. Баумана относился к ведомству Пушкарского приказа. На вооружении полка состояли изобретенные полковником скорострельные казнозарядные полевые орудия.

7 июля (27 июня)⁷⁷ на рассвете небольшой отряд крымских татар и наемников из войска гетмана Выговского атаковал русский лагерь, но был отбит и отступил за речку Куколка (Сосновка). Трубецкой

не знал о численности неприятеля, предполагая, что на него напали незначительные силы гетмана. Против них была направлена конница (дворянские сотни и два рейтарских полка) под началом князей С. Р. Пожарского и С. П. Львова (около 4 тыс. чел), а также верные царю украинские казаки гетмана И. Беспалого (2 тыс. чел).

Утром 8 июля (28 июня) Пожарский, перейдя по мосту на другой берег Сосновки, настиг противника, рассеял его и стал преследовать бегущих, удаляясь от города. Выговский имел под своим началом 16 тыс. казаков, большая часть из которых была укрыта в засаде. Союзные ему крымские татары во главе с ханом Мухаммед-Гиреем (около 30 тыс. чел), скрытно стояли в урочище Пустая Торговица. Внезапно Пожарский был атакован с флангов и окружен крымско-татарской ордой. Более чем пятикратное превосходство противника в силах определило исход боя. Трубецкой не смог оказать помощь попавшей в засаду кавалерии. Битва продолжилась на переправе через р. Куколку, где кн. Г. Г. Ромодановский до вечера сдерживал крымских татар и казаков Выговского. К вечеру его конница была отброшена к главному лагерю.

29 июня, на следующий день после битвы, гетман Выговский со своими казаками двинулся к селу Подлипное, где стоял лагерь Трубецкого.

Как сообщается в «Статейном списке» Трубецкого: *«И июня же в 29 день изменники черкасы учали по обозу и в обоз стрелять из пушек, и повели к обозу шанцы»*⁷⁸.

В ночь с 30 июня на 1 июля мятежники и татары предприняли первую атаку на московский табор, но были отражены с большим уроном. По словам Выговского, только шанцы спасли его от потери обоза. Еще бы немного и войско Трубецкого *«овладело б (нашим) табором, ибо уже вломилось в него»*⁷⁹, — писал гетман. В «Статейном списке» об этом бое сказано, что изменники: *«июня же 30 день в ночи к обозу приступали, и Великого Государя ратные люди от обозу их отбили, и из шанец выбили»*⁸⁰.

Согласно отписке Трубецкого, хан и изменник приходили на его обозы «всеми силами», хотели «обозы разорвать», но «не учинив... промыслу» отступили «нехотя». После окончания боя, «крымские и нагайские татаровя и черкасы отошед, стали за деревней Сосновкой», от русского лагеря в «пяти верстах»⁸¹. Таким образом, к утру 1 июля

противник откатился на исходные позиции, т.е. фактически поле боя осталось за русскими.

Кн. Трубецкой, наконец-то удостоверившись в значительном численном превосходстве противника, принял решение об отступлении к Путивлю. «И июля во 2 день боярин и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи и со всеми Великого Государя ратными людьми, с конными и с пешими, и гетман Иван Беспалой со всем своим полком, устроя обоз, пошли к реке Семи»⁸².

В тот же день произошло новое большое сражение. Согласно «Авизам из табора» гетмана Выговского, 12 (2) июля «Трубецкой выступил с табором от Конотопа, за ним в тот же день (наше) войско пошло в погоню. Догнав его в миле от Конотопа в поле, (наши) стремились его там разгромить и, соответственно построившись, ударили со всех сторон на табор»⁸³. В результате боя 2 июля мятежники понесли настолько большие потери, что они превысили их урон в битве 28 июня. Согласно автору «Авиз из табора» Выговского, самый значительный ущерб в людях наемные польские хоругви гетмана понесли не в битве 28 июня, а в бою 2 июля, в ходе неудачных попыток разгромить отступающую к Путивлю русскую армию. Именно на 2 (12) июля приходится гибель многих наемников (большое количество раненых и убитых) во всех 11 хоругвах⁸⁴. Среди погибших оказались майор Вильгельм Рудольф, капитан Ян Косаковский, шляхтичи Ян Заливский, Давид Скоринич, Ян Исаевич и другие. Кроме того, согласно тем же «Авизам из табора», в бою 2 июля «убито и иных ефрейторов и сержантов, убито и немало драгун; погибли полковники казацкой пехоты и много сотников, о числе которых из-за многочисленности войска трудно разузнать. Есть слух, что и мурыз ордынских и самой орды часть утрачена»⁸⁵.

Согласно отечественным документам наиболее жаркие бои происходили 3 и 4 июля, после чего выговцы и татары полностью прекратили свои атаки на табор Трубецкого и позволили ему встать лагерем на берегу Сейма.

По словам неизвестного автора «Авиз», союзникам якобы удалось «разгромить часть табора», однако при этом русское войско «стояло в добром порядке» и пушки Трубецкого «беспреданно били»⁸⁶. В то же время князь ничего не сообщает о потере части обоза и потери его войска не столь значительны, чтобы можно было поверить авто-

ру «Авиз». Наиболее вероятным является предположение о том, что воевода бросил часть разбитых возов, чтобы избавиться из лишней обузы накануне переправы через Сейм. Показательно, что враг отметил превосходную стрельбу русской артиллерии, которая наносила ему основной урон. Что касается пехоты, то из полков нового строя в аррьергарде шел только один полк солдатского строя Николая Баумана (т.е. не более 1700 чел.).

Трубецкой переправился через Сейм десятого (20) июля. Отбив все атаки противника он спокойно стоял на берегу еще шесть дней и только затем, форсировав реку, ушел к Путивлю. Патрик Гордон записал в своем «Дневнике», что русские «отошли в хорошем порядке, прикрытые вагенбургом и орудиями, так что татары не смогли взломать их строй. После многих летучих схваток и опасностей... (русские) за два дня отступили к реке Сейм близ Путивля⁸⁷.

Солдаты и пушкари полка Н. Баумана сыграли важную роль в успешном отражении налетов конницы и атаках пехоты неприятеля. Прикрываясь рогатками и обозом, русская армия вела настолько мощный огонь «дробью» (картечью), что не подпустила его на дистанцию рукопашного боя. В боях «на отводе» русские потеряли немногим более ста человек убитыми⁸⁸. Моральная стойкость обороняющихся, воинское искусство обученной полковником русской пехоты, позволило Трубецкому успешно противостоять нестройным толпам более многочисленного врага.

По данным на 10 августа 1659 г. полк Н. Баумана в Путивле после окончания похода насчитывал в строю 30 начальных людей и 1332 рядовы⁸⁹.

Учитывая, что согласно разрядным документам, в боях погибло не более двух десятков солдат⁹⁰, на долю раненых, а также дезертировавших пришлось более трех сотен человек. Впрочем процент беглых солдат был высок в любой европейской армии того времени.

Как бы там ни было, все же следует согласиться с тем, что главная заслуга в организации столь эффективной обороны, несомненно, принадлежит полковнику Бауману, который фактически руководил аррьергардными боями. Его роль в боях была настолько значимой, что это признал даже царь Алексей Михайлович.

Осенью 1659 г., впервые в истории русской армии, по царскому

указу полковнику Бауману было присвоено новое звание: «генерал-поручик». Таким образом, он стал вторым лицом в военной истории России, получившим генеральское звание⁹¹, обойдя по службе других полковников, бывших на царской службе многие годы, что говорит о необычайно высокой оценке его заслуг в боях под Конотопом.

Согласно выписке из Пушкарского приказа от 7 января 1671 г., «Миколай Бовман пожалован из полковников в генералы порутчики в прошлом во 168 году, за службу, что он будучи на Великого Государя службе, в полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи под Конотопом, во 167 году, с неприятели, с татары и с черкасы, бился, не щадя головы своей, и как Великого Государя ратные люди шли от Конотопа к Путивлю, и в то время он Миколай на отходном бою, своим вымыслом, многих неприятелей татар и черкас побивал, и всякие промыслы чинил, и Великого Государя ратных людей от неприятеля оберег...»⁹².

Сам Бауман, человек глубоко верующий, так говорил о своем подвиге: «Всевышний дал мне особое счастье. Его Царское Величество меня за мою верную службу наградил, не только большими деньгами пожаловал, но и званием генерал-лейтенанта»⁹³.

Необыкновенно щедрая награда царя подтверждает то, что полк Н. Баумана сыграл очень важную роль в тяжелых боях при отступлении от Конотопа после проигранной битвы 28 июня, что позволило избежать больших потерь на отходе армии Трубецкого от Конотопа к Путивлю.

Несмотря на удачное отступление с Украины, предотвратить вторжение крымско-татарской орды в южные уезды Русского государства не удалось. В начале августа 1659 г. ханские войска не стали штурмовать укрепленную Белгородскую черту, они просто обошли ее с запада через украинские земли, оказавшись в глубоком тылу русской армии. Хотя основные силы ханского войска не пошли на север далее Ливен, передовые, отряды ордынцев достигли Тульского уезда. Появилась опасность того, что отдельные мелкие группы татар и ногайцев могут появиться даже в окрестностях столицы.

«Крымские вести» и сооружение Земляного вала вокруг Москвы породили тревожные слухи о приближении значительных сил врага и вызвали тревогу среди жителей столицы в первой декаде августа

1659 г. Паническое настроение у части населения города коснулось и жителей Немецкой слободы. Значительная часть москвичей укрылась за стенами города. Анонимный немецкий автор стихотворения, житель слободы, писал о том, как замерла столица в ожидании набега крымских татар:

«О, Москва, закрой ворота, укрепи свои валы,
Татарин недалеко и скоро нападет на тебя.
От этого ложного известия страна испугалась столь сильно,
Что боялась смерти даже и без смертельной опасности...»

По недостоверному сообщению о якобы скором нашествии орды, иноземцы в ужасе оставили свои дома в Немецкой слободе и бежали под защиту крепостных стен:

«Слобода была пуста, печальна и разрушена,
как если бы ее разорила длительная война.
Всей стране и ее гражданам было тревожно,
И казалось, что окончательная гибель близка».

Впрочем, достаточно скоро выяснилось, что тревога оказалась ложной и паника была напрасной. Стоявшие на Тульской засечной черте русские войска не позволили ордынцам приблизиться к столице.

4 января 1660 г. полк Баумана вернулся в Москву. Его солдаты со своим командиром торжественно вошли в Кремль⁹⁴. Появление Баумана в Немецкой слободе было триумфальным. Царская награда за доблесть в боях сделала полковника чуть ли не «спасителем Москвы» от нашествия татар в глазах иноземцев-обывателей.

«... Бауман, украшенный новой честью,
Увенчанный лавровым венком,
Вступил в Слободу, где, по царской милости,
Немецкий народ был свободен и имел свои дома и очаг...»⁹⁵.

Это был «звездный час» генерала. Именно тогда в честь Баумана на немецком языке и было написано выше процитированное стихотворение, в котором он прославлялся как герой и ревностный протестант⁹⁶.

Бауман и применение «испанских рогаток»

Что же за «промыслы», относящиеся к нововведениям в русской армии этого периода «чинил» полковник Бауман? Один архивный документ дает основание предположить, что именно с его именем

связано начало массового применения русской пехотой так называемых «испанских всадников» или «фризских кобыл». Этими терминами в Западной Европе называли полевые рогатки. Согласно В. Бехайму, их применяли в Австрии «во время турецких войн XVII века, они служили для образования своеобразного заграждения — «испанского всадника» (нем. Spanischer Reiter)⁹⁷.

Появившиеся в русской армии во второй половине XVII в. переносные сборные рогатки, уменьшили значение такого маломаневренного и исключительно оборонительного полевого сооружения, как вагенбург — создаваемый из обозных телег в случае атаки многочисленной неприятельской кавалерии. До появления штыка рогатки были лучшей защитой от кавалерии, а в русской армии первой половины XVIII века их продолжали использовать, несмотря на обучение штыковому бою.

Отступление русской армии после неудачной осады и поражения под Конотопом (1659) ознаменовалось отличием полковника Баумана в оборонительных боях с татарами и казаками, за что он и получил звание генерал-поручика. Вероятно, его личные заслуги в успешном внедрении «нового оружия» и малых потерях (немногим более 100 человек) были очень велики. Возможно, его щедрое награждение было связано с тем, что именно благодаря его инициативе было применено ранее не употреблявшееся в России «новое оружие». Такой вывод можно сделать из следующего документа. Согласно приведенному ниже сообщению в боях под Конотопом использовались какие-то новые «надолобы», то есть «надолбы» или рогатки, которые впоследствии, по царскому указу, в приказном порядке стали применяться во всех полевых боях. Речь идет о переносных полевых заграждениях, которые можно было легко перевозить вместе с движущимся в походном порядке войском. Это видно из архивного документа от 1661 года:

«169 г. мая 30 день Государь указал послать к боярину и воеводе князю Ивану Андреевичу Хованскому Ивана Образцова, а с ним послать стрельцы Семенова приказу Полтева ..., а грамоту послать к боярину и велеть ему сделать в своих приказах у стрельцов и в полках у солдат надолобы таковы ж, каковы были сделаны у боярина у князя Алексея Никитича Трубецкого под Конотопом, а сделать те надолобы тотчас, не дожидаячи иного государева указу, и будет по сему государеву указу надолоб во всех приказах и в солдатских полках (не сделает — И.

Б.) и учнет биться без крепостей быть ему от великого государя в опале»⁹⁸. Эта грамота была послана командующему армии Новгородского разряда князю Хованскому в Псков, и, как следует из документов, изготовленные позднее в его полках рогатки использовались в битве у Кушликовых гор (октябрь 1661 г.).

Достоверно известно, что рогатки эффективно применялись в русско-польскую войну (1660 год, битва на реке Басе), чем немало удивили поляков, ранее незнакомых с таким оружием. Участник данного сражения, шляхтич Ян Пасек так описывал рогатки русских: воевода Долгоруков двигался «в гуляй-городах, которыми окружил всё войско. Эти гуляй-города, вроде «чесноков» (рогаток), которые обычно ставят при шанцах, при бастионах; или бревна тесаные, поперек, накрест скрепленные, а на концах бревно с бревном соединено железными скобами. Так их несет пехота перед строем, а когда поставят их на землю перед собой, а поверх скоб наставят мушкеты, то ничем их не взять, никак строй неприятельский разорвать нельзя, ведь в атаке кони об эти преграды покалечились бы. Войско тогда за гуляй-городом, как в крепости»⁹⁹.

В дальнейшем русские войска успешно применяли их против турецкой конницы под Чигирином (1678 г.). Согласно П. Гордону, 3 августа в ходе сражения за Чигиринские высоты «перед каждым пехотным полком везли полевые орудия и рогатки... стрельцы же, заняв верную позицию, оградилась рогатками и имели много полевых орудий, кои разряжали беспрерывно, и вынудили [турок] держаться подальше»¹⁰⁰.

Фактов применения русской пехотой переносных рогаток в полевых сражениях ранее 1659 г. в документах обнаружить не удалось.

Солдаты и начальные люди полка Баумана: вопрос об одежде.

В отличие от московских стрелецких приказов, полки «нового строя» в большинстве своем имели особую систему снабжения одеждой, установленную еще в начале 1630-х годов. Как правило, солдаты и драгуны получали деньгами жалование «на платье» в начале кампании, и «на шубы» (тулупы) — с наступлением зимних холодов. Начальные люди и рейтары чаще всего одевались за счет своего немалого «кормового» жалования. Исключением были выборные полки солдатского строя,

приравненные в этом плане к московским стрельцам. Летом 1658 г. царь предпринял первые шаги по обмундированию пехоты «нового строя», организовав закупку 30000 аршин цветных гамбургских «салдатских сукон» — однако мы имеем точные сведения о выдаче отрезов на кафтаны из этой партии только выборным полкам (в 1660 г.)¹⁰¹. Впрочем, полк Баумана ведался, кроме Пушкарского, еще и в приказе Тайных дел, поэтому исключить возможность выдачи сукна и его подчиненным нельзя.

Во всяком случае, 25 мая 1661 г. единообразное «цветное платье» наблюдал на рядовых обычных, не выборных солдатских полков московский пленник полковник Обухович, очевидец торжественной встречи австрийского посольства. По его словам, следом за стрелецким приказом Матвея Спиридонова (в одежде бирюзовой) шли парадным строем «полк пеший, полковником Немец, в одежде зелёной и смешанной (róznej), знамёна бирюзовые в числе восьми», а затем ещё «полк пеший, Немцы офицеры, знамёна жёлтые, одежда красная»¹⁰². Литовский полковник не ошибался: разрядные росписи также упоминают среди участников этого парада, помимо «Выборного полку драгун» и московских стрельцов, некие обычные «салдацкие полки»¹⁰³. Особенно замечательно в этом ряду выглядит полк с бирюзовыми знамёнами, в котором лишь часть солдат успели снабдить единообразными зелёными кафтанам, а остальные выступили на параде в собственном «разнообразном» платье — то есть так, как это было заведено для пехоты «нового строя» изначально.

Начальные люди полка, в массе своей новыезжие иноземцы, получали «за выезд» отрезы дорогих материй в качестве особого жалования. Известно, например, что 6 ноября 1660 г. царь пожаловал «новыезжих иноземцов полковника Микулаива полку Бовмана капитана Ягана Самса да сержанта Юрья Шка», причем первый получил 8 аршин «камки жолтой крущатой», а второй — отрез «сукна аглинского» и 4 аршина «тафты двоеличной, шолку зеленого да жолт»; 17 января 1661 г. «камку добрую» (8 аршин) получил за выезд поручик Томас Фирберхер¹⁰⁴.

Вместе с тем, существует замечательное дело о выдаче по государеву указу, «а государев указ приказал стольник князь Юрья Иванович Рамодановской», сукна просто на обмундирование неназванных в списке иноземных офицеров. Исходя из известных объемов, каждый

получил по 5,5 аршин сукна «на платья и на штаны». При этом одному майору выдали «сукна кармозину», второму, Ефиму Редрику — «сукна красного», а четверем поручикам и четверем сержантам — «сукна осинового цвета». Кроме того, каждый получил по 5 аршин сукна «на епончю», причем одному майору дали «сукна багрецу», а второму, Редрику — красного, как и на кафтан и штаны¹⁰⁵. Выдача происходила 18 и 20 октября 1659 г., когда полк Баумана находился в черкасском походе, но офицеры эти явно ведались в приказе Тайных дел, так что вполне могли иметь отношение к полку. Таким образом, перед нами — первый пример унификации одежды иноземных офицеров на царской службе. Старшие офицеры в красном и поручики с сержантами — в серо-зеленых одеждах — должны были нарядно смотреться перед строем своих солдат.

Впрочем, мы имеем пример обратного рода, напрямую связанный с историей уже «генеральства» Баумана. Два полка солдат из генеральства, полковников А. Шневенца и Н. Фанзалена, в конце 1663 г. оказались под Смоленском в составе армии кн. Ю. Н. Барятинского. Однако при выступлении оной армии в поход полк Фанзалена пришлось оставить в городе, заменив выборными солдатами Василия Бюста. Царские воеводы поразились отсутствию у полка зимнего обмундирования: «А у него в полку салдат двесте пятьдесят человек — все голы». Вероятнее всего, это было вызвано нерасторопностью руководства Пушкарского приказа, неготового к массовому обеспечению каких-то полков шубными кафтанами. Позднее, в феврале 1664 г., полк Фанзалена всё же нагнал армию кн. Черкасского в Болхове вместе с генералом Т. Далиелем — видимо, получив к тому времени тулупы и зимнюю обувь¹⁰⁶.

Вообще, случай удивительный на фоне уже описанного выше особого положения полка в составе вооружённых сил. Если взять вооружение, а не одежду солдат, то картина также получится исключительной. Комиссариус Иван Гебдон закупил в Нидерландах в 7166-м (1657/58) и 7167-м (1658/59) гг. партию из 22060 новейших мушкетов. Через Архангельск их доставили в Москву и передали в ведение приказа Тайных дел¹⁰⁷. Первыми мушкеты этой поставки получили солдаты полка Николая Баумана, в конце 1658 — начале 1659 гг., и только потом — стрельцы Стремянного приказа Якова Соловцова и выборные солдаты Второго полка Я. Колюбакина¹⁰⁸.

«Дивизия» генерал-поручика Н. Баумана

В 1660 г. истек срок контракта Баумана и он решил было вернуться в Данию. Но в те времена приехать в Московское государство было намного проще, чем уехать из него. Мотивы покинуть службу в России были обычными для многих иностранных офицеров, несмотря на высокое (по сравнению с Западной Европой) жалованье. В большинстве наемных полков европейских армий полковник был не только командиром, но и «владельцем» полка, который он содержал за свой счет, имел почти полную самостоятельность в своих действиях и был связан с королем только присягой. В русской армии не было ничего, являющегося собственностью генералов и полковников, командир был всего лишь «наемным служащим», которого в любой момент могли снять с должности. С получением очередного чина росла ответственность: с командира могли потребовать отчет за преподавание полевых маневров, движение в строю, состояние дисциплины среди подчиненных, обучение солдат стрельбе, снабжение их необходимым оружием, боеприпасами и снаряжением. Он полностью зависел от приказных дьяков, которые, выдавая в полк мушкеты, порох, фитиль, пики, лопаты, телеги и другое необходимое имущество, вымогали взятки. Инициатива в бою не поощрялась, за самовольные действия, пусть даже успешные («без согласования сверху»), можно было получить выговор. В случае совершения каких-либо «проступков» офицерское жалованье урезали на половину. Не принявшие православия не могли иметь земельной собственности, что значительно ограничивало их доходы, особенно в условиях обесценивания новых медных денег в ходе проводимой правительством денежной реформы. Подлинных мотивов Баумана, желавшего уехать из России, мы не знаем. Можно лишь заметить, что ответственности он не боялся, возможно, его просто потянуло на родину.

В грамоте от 8 апреля 1660 г. датский король Фредерик III просил царя отпустить Баумана в Копенгаген. 1 июля 1660 г. сам Бауман написал королю Фредерику III о том, что исправно служил царю в течении трех лет, но теперь хотел бы со своей семьей вернуться в Данию. Царь не отпускал его со службы, и генерал в письме просил, чтобы король востребовал его как «датского подданного»¹⁰⁹. Бауман постоянно пользовался разными царскими милостями и был обеспечен более других офицеров.

В октябре 1660 г. полк Альбрехта Шневенца, являющийся частью генеральского полка Баумана, хорошо сражался в битве с польско-литовским войском на реке Басе. В августе 1661 г. «генерала поручика Миколая Бовмана полковники Албрехт Шневенц, Миколай Фанцален с начальными людьми и с салдаты» были направлены в Смоленск «для походу на службу» с кн. Ю. А. Долгоруковым¹¹⁰, в дальнейшем полки приняли участие в боях с польско-литовскими войсками на «днепровском рубеже». Самого Баумана оставили в столице.

В апреле 1663 г. датский король снова послал грамоту царю с просьбой отпустить Баумана с русской службы. В ответном письме Бауман благодарил короля за его помощь, но сообщал, что чем усерднее он служит, тем упорнее удерживает его московское правительство.

Согласно приходу-расходным книгам Приказа Тайных дел 1663–1664 гг. 15 сентября 1663 г. дано было «государева жалованья кормовых денег» начальным людям полка солдатского строя генерал-поручика Баумана, в которых перечислены все начальные люди полка. Благодаря этим сведениям видно, что в указанное время «полк Баумана» фактически представлял собой дивизию из пяти полков: трех солдатских, драгунского и рейтарского строя, а именно:

Полк солдатского строя: «полковник гранатный и огнестрельный мастер» Самойло Бейм; подполковники: Федор Мейер, Карл Яган (Фалясмант), Василий Шварт; майоры: Яган Самс, Антон Регель, Петр Бец, Ганц Винят, Юрий Бой; гранатные и пушечные мастера: Юст и Андреян Фандеркенковены, ружейный мастер Петр Космас, 24 капитанов, 20 поручиков, 21 прапорщик, капрал, пушкарь, «алхимист», лекарь, адъютант.

Полк драгунского строя: полковник Корнилиус Падбарх (Падберг); подполковники: Иван Вит, Филип Фриц; майор Петр Делер; 11 капитанов, 11 поручиков, 4 прапорщика. 2 сержанта, аптекарь.

Полк рейтарского строя: полковник Индрик Агрет (Эгерат); подполковник Ганц Ганк; майоры: Франц Денц, Яган Рент, Яган Шенбен, Христофор Фортиллоу, 4 ротмистра, 6 капитанов, 9 поручиков, 6 прапорщиков, трубач, 13 квартирмейстеров, 8 капралов¹¹¹.

Эти полки «дивизии» находились в Москве. Кроме того, в ее составе по-прежнему состояли полки солдатского строя А. Шневенца и Н. Фанзалена, в указанное время бывшие в Смоленске. Подпол-

ковник Крестьян Нибуш, майоры Вибалдус Готвалт и Яган Рель, приехавшие в столицу из Смоленска получили жалование как офицеры Баумана.

3 ноября 1663 г. генерал-поручику Бауману велено быть на государеве службе в полку боярина и воеводы кн. Я.К. Черкасского¹¹². В составе «дивизии» отправились в поход три «полка» с полковниками, выступившие из Москвы (1200 чел.): солдатского строя — под началом самого Баумана (непосредственно — С. Бейма), рейтарского строя — «Фаненрата» (Индрик Агрет, Эгерат), драгунского строя — «Корнилиуса» (Корнилиус Падбарх, Падберг)¹¹³.

Оставшаяся часть «дивизии» выступила в поход из Смоленска — полки солдатского строя А. Шневенца и Н. Фанзалена (574 чел.).

Из документов архива Тайного приказа известно, что драгунский полк генеральства был составлен из монастырских даточных двух выдающихся «царских богомолий» — традиционного, Троице-Сергиева монастыря, и «собинного» — Саввино-Сторожевского. Их срочный набор был проведен в октябре-ноябре 1663 г. При этом, в качестве конных даточных «дом чудотворца Саввы» отправил в «полковую службу» 15 стрельцов своего приказа (из 200 чел.)¹¹⁴ и пятерых монастырских конюхов. Замечательно, что из Тайного приказа 10 ноября 1663 г. все 20 саввинских «слуг», а также даточные Троице-Сергиева монастыря получили не только положенное драгунское жалование по 4 рубля человеку, но и сверх того, по особому распоряжению царя, еще по рублю — «За то, что они пошли с драгунскую службу с радостию ... а взяты они ис тех монастырей в драгунскую службу на время и отданы в полк генерала порутчика Миколая Бовмана»¹¹⁵.

По данным на декабрь 1664 г. сохранились сведения о составе «дивизии» и количестве начальных людей и рядовых, оставленных на зиму в Дорогобуже:

Полк солдатского строя: генерал-порутчика Миколая Бовмана: подполковника 2, майора 4, капитанов 13, поручиков 9, адъютант 1, лекарь 1, солдат 353 чел.

Полк солдатского строя: Албрехта Шневенца: подполковник, майор, капитанов 8, поручиков 6, адъютант 1, солдат 317 чел.

Полк солдатского строя: Николая Фанзалена: подполковника 2, капитана 4, поручика 4, прапорщика 5, адъютант 1, солдат 226 чел.

Полк рейтарского строя: полковник Индрик Фанэграт (Агрет, Эгерат):

подполковник, майоров 4, ротмистров 10, поручиков 15, прапорщиков 15, трубач 1, квартирмейстеров 9, рейтар 7.

Полк драгунского строя: полковник Корнилиус Фан Падберхт (Падбарх, Падберг):

подполковник, майор, капитанов 9, поручиков 7, прапорщиков 2, драгунов 16 чел¹¹⁶.

На основании изложенного видно, что в «дивизию» по прежнему входили пять полков: три солдатских, рейтарский и драгунский. Интересно, что солдатами в полку Баумана, как и раньше, были в основном «устюжане» и «вятчане»¹¹⁷.

Таким образом, первая документально зафиксированная дивизия в армии «нового строя», т.е. соединение нескольких отдельных полков пехоты и кавалерии, появилась не во времена Петра I, как принято считать, а около 1663 г. Если рассуждать об отсутствии в документах термина «дивизия», то стоит заметить, что даже при Петре I в 1700 г., дивизия называлась «генеральством».

Кампания 1663–64 гг. и производство Баумана в генералы

Русско-польская война за Украину вступила в решающую фазу. Московское государство прочно удерживало левый берег Днепра вместе с Киевом, Правобережье оставалось под властью Речи Посполитой. Осенью 1663 г. 40-тысячное польско-литовское войско во главе с королем Яном Казимиром предприняло последнее наступление на Левобережную Украину. Согласно стратегическому плану Варшавы главный удар наносила польская («коронная») армия, которая вместе с украинскими казаками гетмана П. Тетери и крымскими татарами (20 тыс. чел.), захватив восточные земли Украины, должна была наступать на Москву. Вспомогательный удар наносила литовская армия под началом М. Паца. Литовцы должны соединиться с королем в районе Брянска. В ходе тяжелых боев, продвигаясь на север вдоль реки Десны, польские отряды захватили Воронков, Борисполь, Гоголев, Остер,

Кременчуг, Лохвицу, Лубны, Ромны, Прилуки и ряд других небольших городов. Противник обходил крупные крепости с многочисленными русскими гарнизонами (Киев, Переяслав, Чернигов, Нежин и Гадяч). В январе 1664 г. королевская армия осадила Глухов — хорошо укрепленный город на юге Московского государства. Гарнизон во главе с киевским полковником В. Дворецким отбил два ожесточенных штурма, в результате которых поляки понесли огромные потери.

В условиях зимы Москве пришлось мобилизовать все вооруженные силы страны. Армия Белгородского разряда во главе с кн. Г.Г. Ромодановским направилась к Батурину и, соединившись с украинскими казаками гетмана И. Брюховецкого, двинулась к Глухову. Армия Большого разряда под командованием кн. Я.К. Черкасского, собранная в Можайске, должна была отразить наступление войск Великого Княжества Литовского и затем действовать против польских сил.

3 января Черкасский выступил в поход из Можайска. Не заходя в Калугу, он двинулся на юг (через Медынь — Лихвин — Белев) к Севску. В очень тяжелых, зимних условиях, армия медленно шла по лесным дорогам. В пути следования нередко возникала «мешкота», князь оправдывался, что «поспешить, некоторыми мерами было невозможно, дорога лесная и гористая и пехота от стужи поизнужила». 12 января войско достигло села Кипеть, расположенного «от Белева в дватцать верст». На следующий день Черкасский направился в Белев, собирая по дороге служилых людей, прибывающих к войску. Князь писал, что «генерал и поручик Миколай Бовман с полком своим идет за нами» и до Белева «ему дойти к нам не можно, потому что застали морозы большие, а салдаты ево полку безодежны и многие больны»¹¹⁸.

Согласно смотру от 1 февраля 1664 г. в Болхове в полку Баумана было 1202 чел¹¹⁹. Такая малочисленность объясняется трудностями сбора соединений и полков в условиях зимнего времени, когда военные действия обычно прекращались. По смотру на 13 февраля того же года мы имеем более подробные данные о составе «дивизии» генерала:

«В салдацких полках генерала порутчика Микулаева полку Бовмона начальных людей 117 человек, рейтар и иноземцов 10, рейтарского строю конных даточных 264, драгунов 200, солдат 611. Всего 1202 человек»¹²⁰. Это были полки, выступившие из Москвы, без учета бывших в Смоленске.

Не добившись успеха в осаде Глухова, 1 февраля поляки сняли осаду города. «Утратив надежды на успех, (король) выступил к Севску, где соединился с литовской армией. Через несколько дней (поляки) узнали, что войска царя надвигаются на них со всех сторон, к тому же солдаты были утомлены, и среди них начались болезни»¹²¹. Находясь в лагере под Севском, король направил к Карачеву отряд польско-литовской конницы А. Полубинского и С. Бидзинского, который столкнулся с частями русского воеводы кн. И. С. Прозоровского при Косуличах. В то же время из Болхова к Карачеву выступили главные силы под командованием князя Черкасского. Полк Баумана шел с главными силами русской армии.

Узнав о приближении Черкасского и Ромодановского, король отступил к Новгороду-Северскому и остановился на берегу Десны (17 февраля). На военном совете польско-литовское командование приняло решение о дальнейшем отступлении. 27 февраля у Сосницы произошло разделение армии вторжения. Поляки во главе с Чарнецким, ушли на Правобережье, литовцы, с которыми остался сам король, двинулись к Стародубу и Могилеву. Отходившие к Стародубу, полки и хоругви Великого Княжества Литовского несли потери под ударами русских отрядов. Соединившиеся с Черкасским, передовые конные отряды Барятинского и Прозоровского нагнали отходящую литовскую армию под Дроковым (11 марта 1664 г.). В арьергарде литовского войска находился пехотный полк прусского аристократа Христиана Людвига фон Калькштейна, который был полностью разгромлен, а сам полковник попал в плен. Была захвачена более 300 пленных и уцелевшая часть обоза. Отступление литовской армии фактически превратилось в бегство по лесам и болотам, ее обоз был брошен. Если бы не медлительность главного русского полководца князя Черкасского, за что он получил от царя выговор, у армии Московского государства была прекрасная возможность полностью разгромить все войско Великого Княжества Литовского и даже взять в плен польского короля. Основные силы князя не вступили в бой с противником, и солдатам Баумана не пришлось снова показать себя в сражении.

Несмотря на отсутствие громкого успеха, царские воеводы могли торжествовать победу. Грандиозный поход огромной польско-литовской армии во главе с самим королем Яном Казимиром завершился

полным провалом, с весьма серьезными потерями для войск Речи Посполитой. Зимняя авантюра польского короля обернулась против него. Для Речи Посполитой она стоила больших усилий и жертв, и оказалась последней, неудачной попыткой поляков вернуть Левобережную Украину. По словам капитана Александра Сенковского, служившего в войске ВКЛ, когда «король был под Глуховым, и у него де войска на приступах побито и на вылозках с 5000 всякого люду, да померло в дороге и побито от мужиков, как пошел в Литву, болных и безодежных и раненых и с голоду с 8000»¹²². Хотя эти данные вероятно сильно преувеличены, урон, понесенный польско-литовской армией, способствовал скорому окончанию войны.

Князь Черкасский оставался в Брянске до конца мая 1664 г., после чего его армии было приказано направиться в Смоленск, куда она прибыла 20 июня, расположившись на Днепре, ниже города. После срыва мирных переговоров в Дуровичах, Черкасский выступил к Шклову. 22 июля его полки встали на левом берегу Днепра, напротив литовского обоза гетмана М. Паца, открыв сильный огонь по противнику из 18 орудий. В ночь с 23 на 24 июля русская армия навела мост и переправилась через реку севернее Шклова. Ввиду численного превосходства неприятеля Пац не рискнул дать сражение и отступил к Могилеву, оставив в Шклове 3 полка пехоты¹²³.

По словам пленного литовского шляхтича, в то время «под Могилевом де у государевых людей у боярина и воевод у князь Якова Куденетовича Черкасского с товарищи с литовскими людьми был бой и государевы люди тех литовских людей с поля збили и обоз отбили, а Могилев осадили, а за литовскими людьми государевы ратные люди пошли за Могилев»¹²⁴.

Встав у Шклова, Черкасский отправил полки Прозоровского и Бярятинского к Могилеву. Пац разместил свое войско на городских валах Могилева и приготовился к обороне. Однако воеводы не стали штурмовать город, повернув обратно к Шклову, после чего основные силы русских осадили Шклов. Раздраженный медлительностью Черкасского, царь приказал ему сдать командование кн. Ю. А. Долгорукову. Генералу Бауману также было велено оставить действующую армию и ехать в столицу. Вероятно, важнее была его деятельность в Пушкарском приказе. 9 августа Долгоруков снял осаду Шклова и перешел со всей арми-

ей к Копыси, возле которой стоял до 18 августа¹²⁵.

В августе 1664 г. генерал Бауман вернулся в Москву. К сожалению, из сохранившихся документов невозможно проследить непосредственную роль Баумана в военных действиях под Шкловом. Однако когда в 1668 г. Бауман получил звание полного генерала, в заслугу ему был поставлен именно этот поход. Согласно документам, «он, будучи на его великого государя службе, в полку боярина и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского с товарищи, во 172 (1664) году под литовскими городами, на приступах и полевых боях многих неприятелей побивал и всякие промыслы чинил»¹²⁶. Неясно правда, о каких «приступах» к литовским городам идет речь, если осада Шклова закончилась безрезультатно. Не исключено, что звание генерала было присвоено Бауману за этот поход (четыре года спустя!), из-за желания царя поощрить его как очень ценного военного специалиста. Алексей Михайлович хотел удержать его на своей службе любой ценой, наградами и деньгами.

О том, какие орудия участвовали в кампании 1664 гг. и возможно входили в полк Баумана, можно судить по «Росписи наряду и зелью и свинцу и фетилю и всяким пушечным запасом» от 9 ноября 1664 г., составленной после окончания похода кн. Ю. А. Долгорукова. Согласно документу, воевода оставил в Смоленске: «6 пушек болших медных в станках и на колесах з дышлами и к ним 43 шлеи коренных и припряжных, да к тем пушкам пушечных запасов: 17 бочек болших, да в малой бочке зелья ручного и пушечного, 3 бочки зелья пушечного в зарядных мешках, свинцу 10 свиной болших, фетилю и пен(ь)ки 6 пуд, пушечных железных 840 ядер дву статей, 10 пуд фетилю, дробу железного 7 пуд 32 гривенки, пушечных зарядных 140 мешков, 8 канатов пен(ь)ковых, безмен медной малопудовой...»¹²⁷.

Ранее в Брянске Черкасским были оставлены еще 25 орудий «медного наряду» из разных полков, принимавших участие в зимнем походе (1663–1664 гг.), а именно: «десять пищалей по два аршина без 3 вершков и к ним 79 ядер, весом ядро по 4 гривенки; четыре пищали мерою по два аршина, к ним 518 ядер весом по полтретью гривенки ядро; пищаль мерою полтретью аршин, а к ней 90 ядер весом по гривке ядро; две пищали мерою по три аршина с четвертью, к ним по 50 ядер весом по полторы гривенки ядро; восемь пищалей мерою полтора

аршина, к ним ко всем ядер нет, стреляют из них картузами.

Всего дватцать пять пищалей, к ним три тысячи пятьдесят два ядра»¹²⁸.

В декабре 1664 г. «генерала порутчика Миклаева полку Бовмона полковников с начальными людьми и с салдаты» приказано было «оставить в Дорогобуже» на зиму, дав им хлебных запасов «по рассмотренью»¹²⁹. Этим распоряжение царское правительство прикрывало западное направление на случай активизации действий войска Великого княжества Литовского.

Реорганизация русской артиллерии продолжалась, генерал проводил свои эксперименты с орудиями и боеприпасами в Пушкарском приказе. Тем не менее, Бауман не оставлял попыток покинуть Россию. Царь снова получил грамоту датского короля Фредерика III от 18 февраля 1665 г., в которой король просил отпустить «датского подданного Николая Баумана, служба которого нужна де самому королю, и который быть может, от того не возвращается, что задерживается царем»¹³⁰. Царь Алексей Михайлович наконец-то ответил Фредерику в сентябре 1666 г., что «генерала порутчика Николая Бовмана чрез волю его держати не велим, а что против его вымыслу какие дела к нашему царского величества полковому делу начаты, в совершенье не приведены, и по нашему царского величества указу ему генералу порутчику побыти у нас великого государя, на Москве, до тех мест (пор), покаместа у него, против его вымыслу полковому строенью, всякие вымышленные дела в совершенье приведены будут, а как он те дела в совершенье учинит, и мы великий государь, наше царское величество, к вашему королевскому величеству его генерала порутчика Николая Бовмана велим отпустить»¹³¹. В Делах Тайного приказа имеется запись о том, что 1 сентября 1665 г. указал великий государь «генерала порутчика Миклаея Бовмана и ево полку полковников, и начальных людей, и салдатов, и Гранатного двора мастеровых людей службою и кормом ведать боярину князю Юрью Ивановичю Ромодановскому в Пушкарском приказе»¹³².

Вероятно в это же время происходит реорганизация «дивизии» Баумана — она лишается рейтарского и драгунского полков. 23 сентября 1665 г. полковник рейтарского строя Генрих фон Эгерат (Индрик Фан Эграт, Агрет) и еще несколько десятков его сослуживцев и подчиненных (всего 54 человека) были отправлены в Тобольск для обучения

сибирских служилых людей рейтарскому и солдатскому строю¹³³.

Конфликт в Немецкой слободе и отправка «дивизии» на Украину

Раздраженные счастьем и заносчивостью Баумана, «обойденные его товарищи по службе начали мстить ему. При встрече польских послов в октябре 1667 г. Бауману надобно было командовать служилыми иноземцами, но многие из начальников прямо встали от него по правую руку, полковник Иван Гаст еще и обругал его, утверждая, чтоб он и не думал ими командовать, никто не желает ему подчиняться»¹³⁴. С большим трудом удалось разрешить конфликт.

Талантливый и энергичный генерал слишком резко выделялся на общем фоне «служилых иноземцев» и это многим не нравилось. Полковник Генрих фон Эгерат (вернувшийся из Сибири в мае 1668 г.) и подполковник Юрий фон Менгден, завидуя его положению, интриговали против него. Полковник Герман фон Штаден даже вызвал его на дуэль, но удовлетворения не получил, потому, что от него, как от подчиненного, Бауман вызова не принял.

Последовавшее новое возвышение Баумана по служебной лестнице еще больше обострило отношения в Немецкой слободе. В августе 1668 г. двенадцать полковников (Петр Фрелих, Яков Билс, Николай Балк и другие) подали челобитную на Баумана в Иноземный приказ, с обвинением его в различных злоупотреблениях. Дело возникло из-за церковного спора. На свои средства Бауман построил кирху (церковь) в Немецкой слободе и содержал школу. Денег было недостаточно. В Германию был послан его друг — пастор Грегори, с целью сбора пожертвований для лютеранской общины в Москве. Деньги были даны курфюрстом Иоганном Георгом II Саксонским и герцогом Эрнестом Саксен-Готским. Все средства пошли на церковные нужды и школу. Однако полковники обвинили Баумана в присвоении денег. Главное же обвинение было в том, что пастор Грегори «молился прежде за курфюрста (Саксонского) и князей, а затем за здоровье государя». Честь государя в Москве берегли ревниво, в итоге судебного разбирательства Бауман потерял построенную им кирху, которая перешла к его врагу — пастору Фокероту. Денежную компенсацию генерал при этом не получил.

Фокерот распространял клеветнические слухи о том, что Бауман

и Грегори являются тайными католиками. Клевета сделала свое дело, «заговорщикам» удалось настроить против не терпевшего противоречий генерала большую часть иноземцев. Стремясь оправдать себя, Бауман решился на последнее средство — просить царя об отставке и отпуске за границу (4 мая 1669 г.), потому что, как писал он царю, «от полковников и меньших начальных людей до того поношен, что невозможно мне после этого служить государю», а тем более идти с ними «против царских неприятелей»¹³⁵.

В том же году полковник Андрей Цеев писал в белгородские полки «грамотку» с клеветой на Баумана, в которой, по словам генерала «всё ложно». Бауман сообщил об этом царю и просил, чтобы «тому ничему не верили»¹³⁶. О чем идет речь, в челобитной генерала не сообщается.

Русско-польская война закончилась Андрусовским перемирием в январе 1667 г., но военные действия на юге не прекратились. Гетман Правобережной Украины П. Дорошенко вступил в подданство Османской империи и в июне 1668 г. смог подчинить оба берега Днепра. На борьбу с ним выступили русские армии под началом кн. Г. С. Куракина и кн. Г. Г. Ромодановского.

В сентябре 1668 г. «дивизия» генерал-поручика Николая Баумана состояла всего из двух полков солдатского строя под началом полковников Альбрехта Шневенца и Николая Фанзалена. Оба полка были направлены в Севск для действий против мятежных украинских казаков. Баумана при этом оставили в столице.

Структура полков в то время была следующей:

Полк солдатского строя полковника Альбрехта Шневенца (10 рот):

- рота полковника,
- рота подполковника Ягана Реля,
- рота майора Ягана Иваницкого,
- рота капитана Мартина Камеля,
- рота капитана Эверта Готцына,
- рота капитана Лаврентья Лоренса,
- рота капитана Филипа Маса,
- рота капитана Николая Безмана,
- рота капитана Ягана Грота,
- рота капитана Симона Симонса.

Полк солдатского строя полковника Николая Фанзалена (10 рот):

- рота полковника,
- рота подполковника Петра Креца,
- рота майора Александра Шмита,
- рота капитана Николая Фливерка,
- рота капитана Андрея Герина,
- рота капитана Мартина Вейса,
- рота капитана Ягана Вида,
- рота капитана Эверта Энка,
- рота капитана Томоса Вейсина,
- рота капитана Болдвина Фика.

В каждой роте было 10 поручиков, 10 прапорщиков, 2–3 сержанта, каптенармус, подпрапорщик, 2 барабанщика, полковой подъячий, 3 капрала. В первых ротах полков Шневенца и Фанзалена также числились пушкари (у Шневенца — 8 чел., у Фанзалена — 16). Первый полк в то время насчитывал в строю 398 солдат, второй — 405¹³⁷. Как выше было отмечено, в составе «дивизии» уже не было рейтар и драгун, т.е. теперь она представляла из себя только пехотную часть.

В феврале 1669 г. полки Альбрехта Шневенца и Николая Фанзалена были посланы из Севска в Киев. Солдаты значительно усилили киевский гарнизон, ввиду возможных попыток поляков отобрать город. Всего было отправлено «с начальными людьми и солдатами, без малого 1100 человек»¹³⁸. Сам Бауман по-прежнему оставался в столице, положение его было трудным. Ряд младших офицеров-иностранцев, настроенные против него, прямо игнорировали его приказы. Все это, в конечном итоге, сказалось на боеспособности и дисциплине среди его подчиненных. «А буде того полка солдаты разбежались многие, сказано в грамоте, и на государевой службе в Киеве быть одному полковнику, а с ним начальным людям, смотря по солдатам, сколько будет надобно»¹³⁹.

К весне 1669 г. активные боевые действия русских войск против Дорошенко завершились, Левобережная Украина вернулась под власть царя.

Возвращение в Европу

В сентябре 1669 г., устав от «разборок» и интриг в Немецкой слободе, жена Баумана, Маргарита, уехала из России. Сам он в марте 1670 г. еще раз попытался добиться справедливости, подав жалобу в Посольский

приказ, но ответа не получил. Очевидно, московское правительство было утомлено непрекращающимся конфликтом в среде иноземцев и предпочитало не вмешиваться в их отношения между собой. Генерал понял, что удерживать его больше никто не станет. Сохранилось его письмо от 16 июля 1670 г. новому датскому королю Христиану V, которого он просил походатайствовать перед царем о своей отставке. Король направил царю соответствующее послание.

22 декабря 1670 г. Бауман написал царю новую челобитную об увольнении его от службы и отпуске в Данию. В оправдание своей отставки он ссылался на преклонный возраст (63 года). В ней, в частности, Бауман писал, что служил он государю «лет с 14 верою и правдою; а ныне меня холопа твоего древность склонила, служить мне стало не в мочь». В тот же день царь указал отпустить его в Данию с выпиской о его службе и повышениях в чинах¹⁴⁰.

30 декабря 1670 г. царь Алексей Михайлович указал: «генерала Миколая Бовмана отпустить за море в Дацкую землю» с царской грамотой. В рекомендательной грамоте на имя Христиана V говорилось, что Николай Бауман «нашему царскому величеству служил и против недругов наших стоял и бился мужественно, и своих полковых людей, которые у него были в регименте, управлял к бою и справе приводил, и все строил и делал верно, как годно шляхетному начальному человеку, и за тое его верную службу мы, великий государь, наше царское величество, его полковника пожаловали в генералы порутчики, в прошлом во 168 году, а после того, в прошлом во 176 году, за его ж порутчика генерала к нам великого государю службы, пожаловали мы великий государь, велели ему быти в генералах; а он тое чести, по своей службе, достоин и нам великого государю, нашему царскому величеству, в генералах служил и против наших недругов стоял и на боях бился мужественно, за что он нашим царского величества жалованьем, кормовыми и заслуженными деньгами, пожалован по его достоинству». В грамоте также говорилось, что он «человек доброй, честной, шляхетной и в ратных делах годной; а будет он впредь похочет служить нам, великому государю... и ему о том наперед себя нашему царскому величеству ведомо учинити и в наше царского величества Российское царствие ехати ему по нашим царского величества грамотам»¹⁴¹.

28 февраля 1671 г. Бауман получил наконец почетную отставку

и выехал в Копенгаген. Однако в Дании его никто не ждал, после смерти друга и покровителя короля Фредерика надеяться ему было не на кого. Генеральское звание, пожалованное ему в «Московии» не имело соответствующего статуса в Европе. Для него наступили годы забвения и бездействия. Он так и не смог вернуться на королевскую службу, не желая пребывать в тех чинах, которые ему могли предложить.

Находясь в Германии, Бауман стал склоняться к мысли снова вернуться на русскую службу. Как ни странно, но только в России он нашел выход своей неумной энергии. Именно там раскрылись многие его таланты, осуществились проекты и реализовались самые смелые планы.

В апреле 1673 г., будучи в Любеке, Бауман узнал о приезде в Данию русского посольства с целью организации борьбы против турок. 66-летний генерал сразу прибыл в Копенгаген и передал через полковника П. Менезиуса письмо на имя «канцлера» А. Матвеева «с предложением своих услуг ввиду подготавливаемой войны с турками»¹⁴². Датский резидент Е. Украинцев направил письмо по назначению, но послан ли был ответ неизвестно. Можно предположить, что в период пребывания Баумана в Москве, фаворит царя высоко ценил генерала. Бауман надеялся, что «первый министр» вспомнит о его заслугах. Он писал, что «готов служить (Матвееву) несравненно охотнее, чем всем другим, исполняя все, что от него потребуется и просил благосклонного ответа»¹⁴³. Матвеев ему не ответил, возможно, ревнуя генерала к «конотопской славе». Дело в том, что Матвеев вместе с Бауманом сражался под Конотопом, но все самые высокие награды достались не ему.

В 1675 г. началась новая датско-шведская война, получившая название «Сконской», но Бауман снова оказался не у дел. Он не был в кругу приближенных нового датского короля, и должности в армии ему не нашлось. Битвы на юге Скандинавии обошли стороной нашего героя. Спустя несколько лет, уже после окончания этой войны, в марте 1679 г., находясь в Гамбурге, он возобновил свою попытку вернуться в Россию. Генерал направил длинное письмо царю Федору Алексеевичу, в котором говорилось, что сейчас «самое удобное время набрать в службу искусных немецких начальных людей... и если бы государь потребовал и его, Баумана, для устройства войска в поле, то он готов служить ему»¹⁴⁴.

На наш взгляд, если при А. Матвееве у него еще был шанс вернуться

на русскую службу, то с падением «первого министра» и его ссылкой в Сибирь, Бауману было не на что рассчитывать. В Москве его могли считать человеком опального «канцлера».

По свидетельству современника зимой 1683/84 г. Бауман был еще жив¹⁴⁵. Однако после 1684 г. никаких свидетельств о нем не встречается, в связи с чем можно сделать вывод о его смерти в указанном году в возрасте 77 лет. Где он похоронен, неизвестно. В России о нем забыли, для Германии он стал чужим. Этот, безусловно, разносторонне талантливый человек, военный инженер и изобретатель, храбрый офицер и создатель новых образцов русской артиллерии, посвятивший свои лучшие годы службе России, достоин того, чтобы вспомнить о нем и попытаться оценить его заслуги перед нашим Отечеством.

Приложение:

Стихотворение анонимного немецкого автора о полковнике Н. Баумане по случаю его встречи после Конотопской битвы (1660 г.)

O Mußcou schließ die Tor, werstärke deine Wallen,
Der Tartar ist nicht weit und wird dich bald anfallen.
Durch diese falsche Post erschrak das Land so gar,
Daß es den Tod schon fürcht auch außser Todsgefahr.
Der großen Residenz schien selbsten auch zu grauen,
Man fing an Tor und Mau'r zu bessern und zu bauen.
Das deutsche Pilgervolk, welchs dar sonst hoch befreit
Und sicher wohnt, floh jetzt zu bessrer Sicherheit
In ihres Tzaren Schutz aut sein selbst gnädigs Winken,
Man sah ihr Gotteshaus zu Boden niedersinken,
Als wollt' es durch sich selbst vielmehr verwüetet sein,
Denn daß der Heiden Hand es sollte äschern ein.
Kurz die Slabbodda stund wüst, traurig und zerstöret,
Als wenn ein langer Krieg sie hätte schon verheeret,
Es war dem ganzen Land und seinen Bürgern bang,
Und malt ihm selbst schon vor den letzten Untergang.
Nach dem als Baumann nun mit neurer Ehr beglänzet,
Mit einem Lorbeerzweig umb Haupt und Haar bekränzet

Zog zur Slabodden ein, wo durch des Tsaren Gnad
Das deutsche Volk befreit Sitz, Herd und Feuer hat,
Ließ er die Augen erst stracks nach dem Hause kehren,
Da man nach deutscher Art pfiegt unsern Gott zu ehren,
Vielleicht umb daß er wollt in einem Seufzerlein,
Vor diesem Sieg und Glück dem Schöpfer dankbar sein.
Ach aber! was? Da lad das fromme Haus darnieder,
Die Balken, Dach und Fach zerstreuet hin und wieder,
Die Kanzel umgekehret, zerquetschet das Altar,
So daß von allem nichts ihm selbst mehr ähnlich war.
Ach Gott! was grimme Hand hat dieses doch begangen?
Kein Feind, o Held. Es fing dem Haus auch an zu bängen;
Wie daß dies ganze Land in Furcht des Tartars stund,
Da fiel es von sich selbst vor Schrecken auch zu Grund.
Und Wunder, da der Feind doch nieder ist geleet,
Daß der zerfallne Bau vor Freuden sich nicht reget
Und steht selbst wieder auf. Ja wohl! er soll aufstehn,
Sprach Baumann drauf, mann soll hier wieder beten gehn.

Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau end das erste Theater in
Rußland // Neuen Archivs für Sächsische Geschichte. 1911. — № 32. — S.
274–275.

Примечания:

1. Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века // «Рейтар». — № 19. — С. 57-86 Лобин А.Н. «Против недругов стоял и бился мужественно...». Датский офицер на службе русского царя // «Родина». — 2006. — № 11. — С. 90-93.
2. Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau end das erste Theater in Rußland // Neuen Archivs für Sächsische Geschichte. — 1911. — № 32. — P. 273.
3. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. — СПб.,1996. — С. 153.
4. В 1622 г. при Гольштейн-Готторпском дворе появился некто Николас Бауман, изобретатель, художник и декоратор по металлу. Он был принят на службу герцога и занимался художественным оформлением личных покоев герцога Фридриха в Готторпском замке. Он также выступал в роли преподавателя для молодых художников, работавших при дворе. Одним из учеников был его сын – также носивший имя «Николас», который возможно является героем нашего повествования. Не исключено, Николас-отец имел дворянское происхождение, но за неимением средств был вынужден зарабатывать на жизнь мастерством ремесленника и художника. Дворянский титул мог быть присвоен ему и самим герцогом, в благодарность за его работу. Николас-отец умер в 1636 г. См. Weillbach. Dansk kunstnerlexikon. Forste Bind. — Munkscaard, 1994. — P. 187.
5. Hirsch J.C.W., Hirsch K. The biographic of Danish officers (handwritten). —1900. — P. 220.
6. Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau end das erste Theater in Rußland // Neuen Archivs für Sächsische Geschichte. — 1911. — № 32. — P. 273.
7. Ranke L. von. Preußische Geschichte. — Gamburg und Leizig, 1848. — P. 156.
8. Там же. — P. 157.

9. Schreiben des Nicolaus Baumann an Herzog Friedrich zu Schleswig-Holstein-Gottorf, Heide, 28 Juni 1646. (Письмо Николаса Баумана герцогу Фридриху Шлезвиг-Гольштейн-Готторпскому из Хайде от 28 июня 1646 года.) — Landesarchiv Schleswig-Holstein. Текст письма передан Я. Шлюрманном - И.Б. Бабулину в личной переписке.
10. Шиллер Ф. Тридцатилетняя война. — М., 1957. — Т. 5. — С. 378.
11. Там же. — С. 387.
12. Schreiben des Nicolaus Baumann an Herzog Friedrich...
13. Schreiben des Nicolaus Baumann an Herzog Friedrich...
14. Кох пишет, что сначала Бауман участвовал в обороне Кандии, а потом в войне Бранденбурга со Швецией, но здесь явная ошибка. Оборона Кандии началась в 1648 г., а упомянутый конфликт имел место в 1638 г. В 1652 г. Бауман был уже полковником, тогда как в Бранденбурге он служил в чине капитана.
15. Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999. — С. 362.
16. Anoyatis-Pelé D., Athanasopoulou I., Tsiamis C. Cartographic Heritage in the Historical Study of Public Health: The Case of Mediterranean Lazzaretos // e-Perimtron, Vol. 11, No.1, 2016 [35-46].
17. Gigas E. Grev Bernardino de Rebolledo. Spansk gesandt i Kjøbenhavn 1648-1659. — Kjøbenhavn, 1883. — P. 126, 138-139.
18. Кожокин Е.М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции. — М., 1989. — С. 46, 49.
19. Gigas E. Grev Bernardino de Rebolledo. Spansk gesandt i Kjøbenhavn 1648-1659. — Kjøbenhavn, 1883. — P. 131.
20. Tessin G. Die Deutshen regimenter der krone Schweden. Teil I. Unter Karl X Gustav (1654-1660). — Bohlau Verlag Koln Graz, 1965. — P. 140-141.
21. Gigas E. Grev Bernardino de Rebolledo. Spansk gesandt i Kjøbenhavn 1648-1659. — Kjøbenhavn, 1883. — P. 149.
22. Hirsch J.C.W., Hirsch K. The biographic of Danish officers (handwritten). — 1900. — P. 220.
23. Российский государственный архив древних актов (далее - РГА-ДА). Ф. 141. Дела старых лет. № 62. Л. 3-4.
24. Прим. «Ефимок» - русское название западноевропейского сере-

- бряного талера.
25. РГАДА. Ф. 141. Дела старых лет. № 62. Л. 1.
 26. РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 1. Ч. 1. № 33. — Л. 2-3.
 27. Описание архива Посольского приказа 1673г. Под ред. С.О. Шмидта. — Ч. 1 —
 28. М., 1990 — Л. 270 об.
 29. Цветаев Д.В. Генерал Бауман и его дело. — М., 1884. — С. 10
 30. Там же. — С. 9
 31. Описание архива Посольского приказа 1673г. Под ред. С.О. Шмидта. — Ч. 1 — М., 1990 — Л. 710 об.
 32. РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 1 Ч. 1 № 33 Л. 7, 14
 33. РГАДА. Ф. 141 Дела старых лет. № 62 Л. 1
 34. Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в. // Исторические записки. — М., 1962 — Т. 71 — С. 262
 35. Там же. — С. 266
 36. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде. // Утверждение династии. — М., 1997 — С. 25-26
О Н. Баумане см. Лобин А. «Против недругов стоял и бился мужественно» // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. — 2006 — №11
 37. Там же. — С. 33
 38. Напр. один из интересных образцов казнозарядной пищали с затвором экспонируется в ВИМАИВ и ВС. Инв. № 1/12.
 39. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде. // Утверждение династии. — М., 1997 — С. 25-26
О Н. Баумане см. Лобин А. «Против недругов стоял и бился мужественно» // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. — 2006 — №11
 40. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее - ОР РНБ). Ф. 532 № 1379 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Кн.

- Белгородского стола. Кн. 152 Л. 296
Орудия такого типа, с длиной ствола 1,5 -2 аршинов и калибром в $\frac{3}{4}$ ф., из состава «солдацкого полкового наряда» были при-сланы в Переславль-Рязанский в 1661-1662 гг. (Дополнения к Актам историческим (далее - ДАИ).— СПб., 1867 — Т. 10 — С. 238).
41. ДАИ. — СПб., 1853 — Т. 5 — С. 379
ДАИ. — СПб., 1859 — Т. 7 — С. 675-676.
 42. Архив Санкт-Петербургского института Российской академии наук (далее - АСПБ ИИ РАН). Ф. 175 (И.Х.Гамеля). Оп. 1 Д. 248 Л. 2 (листы 1 и 2 перепутаны местами).
 43. Архив Военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ (далее - Архив ВИМАИВ и ВС). Ф.1 (Пушкарский приказ). № 328 Ст. 1 Лебедянская А.П. «Репорт» 1757 г. о «достопамятных» орудиях в Оренбургском округе //
 44. Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. — Вып. I. Л.:М., 1940 — С. 255, 256(чертеж).
 45. ДАИ. — СПб., 1859 — Т. 7 — С. 675-676.
 46. Росписной список г. Киева 1700 г. // Чтения в историческом обществе истории Нестора-Летописца. — 1892 — Т. 6 — С. 40-46.
 47. ОР РНБ. Ф.532 (ОСАГ). № 1359
 48. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1665-1671 гг. — М., 2006 — С. 299
 49. Там же. — С. 311
 50. ОР РНБ. Ф. 532 № 1923
 51. АСПБ ИИ РАН. Ф.175. Оп. 1 № 465 Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. — СПб., 2004 Таб.14.
 52. Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. — СПб., 2004 Прил. II. № 7 С. 181
 53. Пальмквист Эрик. Заметки о русской артиллерии // Известия

- Императорской археологической комиссии. — Пг., 1914 — Вып. 53 — С.80.
54. Лобин А.Н. Деревянно-земляные пушки [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017 — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. III. — С. 385-395 <http://www.milhist.info/2017/03/30/lobin_8> (30.03.2017).
55. Бобринской А.А. Грипсгольмские пищади. — СПб., 1914 — С. 20
56. Там же. — С. 24
57. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде. // Утверждение династии. — М., 1997 — С.25-26.
58. РГАДА. Ф. 1470 (Пушкарский приказ). Оп. 1 Д. 263 Л. 45-80 (на этот документ мне любезно указал С.П. Орленко) ОР РНБ. Ф.532 (ОСАГ). № 1359, 1780
Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов.— М., 1883 — Вып. 2 (1613-1725). — С. 565
59. Там же. — С. 565 ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1824, 1839
РГАДА. Ф. 1470 (Пушкарский приказ). Оп. 1 Д. 263 (Дела о выдаче жалования иноземцам). Л.80. Русская историческая библиотека (далее - РИБ). — СПб., 1907 — Т. 21 — Кн.1 — С. 967, 1211
60. Подпись «Linnenberg» (ОР РНБ. Ф.532. № 1792).
61. Подпись «Zuderlandt» (ОР РНБ. Ф.532. № 1793).
62. Фельдман Д.З. Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии //Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009 — С. 151
63. ОР РНБ.Ф. 532 № 1920
64. Крепостная мануфактура. — М.;Л., 1930 — Ч. 1 — С. 386
65. Там же. — С. 386
66. Там же. — С. 389
67. РИБ. — СПб., 1907 — Т. 21 — Кн. 1 — С. 174
Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. — СПб, 1861 — Т. 2 — С. 27-28 .

68. РГАДА. Ф. 181 Оп. 18 XIII-а. Выражаем признательность О.В. Русаковскому за указание на источник.
69. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде. // Утверждение династии. — М., 1997 — С. 23
70. Там же.
71. Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Книги записные всяких дел 176-го году. — СПб, 1907 — Т. 21 — Кн.1. — Стб. 1386
72. Там же. — С. 40
73. Боярская книга 1658 года. — М., 2004 — С.78.
74. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Севского стола. № 180 Л. 167-170.
75. Книги записные всяких дел 176-го году // Русская историческая библиотека. — СПб., 1907 — Т. 21 — Кн.1. — Стб. 1386
76. Акты Московского государства (далее – АМГ). — СПб., 1894 — Т. 2 — С.667
77. Далее даты в отечественных документах даны по старому стилю, в иностранных – по-новому, с разницей в 10 дней.
78. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее - АЮЗР). — СПб., 1863 — Т. 4 — С. 239
79. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. — Вильна, 1870 — Т. 7 — С. 115 Мицик Ю. А. Гетьман Иван Виговський. — Додатки. № 1 1659, липня 11 — Табір під Конотопом. Лист гетьмана Івана Виговського до коронного обозного Анджея Потоцького. — С. 68
80. АЮЗР. — Т. 4 — С. 239
81. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Приказного стола. № 308 Л.314.
82. АЮЗР. — Т. 4 — С. 239
83. Kroll P. Źródło do dziejów bitwy pod Konotopem w 1659 roku z Archiwum Radziwiłłów w Warszawie // Studia historyczno-wojskowe. — 2008 — Vol. II. — S.282 Мицик Ю.А. Гетьман Иван Виговський. — Додатки. № 3 1659, липня 23 — Табір гетьмана Виговського під Путивлем. Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. — С. 73

84. Kroll P. Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem w 1659 roku z Archiwum Radziwiłłow w Warszawie // *Studia historyczno-wojskowe*. — 2008 — Vol. II. — S. 282-283.
Мицик Ю. А. Гетьман Іван Виговський. — Додатки. № 3 1659, липня 23 Табір гетьмана Виговського під Путивлем. Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. — С. 73-74.
85. Kroll P. Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem w 1659 roku z Archiwum Radziwiłłow w Warszawie // *Studia historyczno-wojskowe*. — 2008 — Vol. II. — S. 282
Мицик Ю. А. Гетьман Іван Виговський. — Додатки. № 3 1659, липня 23 Табір гетьмана Виговського під Путивлем. Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. — С. 73
86. Kroll P. Źródło do dziejow bitwy pod Konotopem w 1659 roku z Archiwum Radziwiłłow w Warszawie // *Studia historyczno-wojskowe*. — 2008 — Vol. II. — S. 283
Мицик Ю. А. Гетьман Іван Виговський. — Додатки. № 3 1659, липня 23 Табір гетьмана Виговського під Путивлем. Вістовий лист («авізи») про перемогу під Конотопом. — С. 74
87. Гордон П. Дневник 1677-1678. — М., 2005 — С. 35
88. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. — М., 1994 — С. 68
89. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Приказного стола. № 308 Л. 285
90. РГАДА. Ф. 123 Сношения России с Крымом. Оп.1. 1658 г. Стб. 14 Л. 8-15 (Роспись кн. А. Н. Трубецкого по погибшим под Конотопом: «Дневная записка от 4 сентября 1665 года»)
Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. — С. 66-68.
91. Первыми военными в России, которым были присвоены генеральские звания, были иностранцы - шотландец Александр (в православии – «Аврам») Лесли в 1655 г. получил звание «генерала», голштинiec Николас Бауман – звание «генерал-поручика» (или генерал-лейтенанта) в 1659 г., шотландец Даниэль Крауфорд - звание «генерал- майора» в 1661 г.
92. Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1853 — Т. 5 — С. 91
93. Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau end das erste Theater in Rußland // *Neuen Archivs für Sächsische Geschichte*. — 1911 — №

- 32 — Р. 275
94. Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165-7183. — М., 1908 — С. 49
95. Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau und das erste Theater in Rußland // Neuen Archivs für Sächsische Geschichte. — 1911 — № 32 — Р. 274-275. Перевод стихотворения сделан О.В. Русаковским, за что авторы выражают ему благодарность.
96. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. — М., 1890 — С.92.
97. Бехайм В. Энциклопедия оружия. — СПб., 1995 — С. 240
98. АМГ. — СПб., 1901. — Т. 3 — С. 380
99. Pasek J. C. Pamiętniki. — Warszawa, 1987 — Р. 159-160.
100. Гордон П. Дневник 1677-1678. — М., 2005 — С. 93
101. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671. — М., 2006 — С. 372, 373
102. Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku. — Wilno, 1857 — Р. 74
103. РГАДА. Ф. 210 Записные книги Московского стола. № 11 Л. 182, 182 об.
104. РГАДА. Ф. 396 Описание. 1 № 42458 Л. 35, 48
105. Там же. Л. 39, 40 («А приказал князь Юрья Ивановича словом приказу Тайных дел подъячей Тимофей Истомин»).
106. Курбатов О.А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017 — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. — С. 304-327. <http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8> (25.07.2017).
107. РГАДА. Ф. 27 Приказ Тайных дел. Оп. 1 № 118 Ч. V. Л. 54, 55
108. Там же. № 118 Ч. VI. Л. 82, 129
109. Hirsch J.C.W., Hirsch K. The biographic of Danish officers (handwritten). — 1900. — Р. 220
110. АМГ. — Т.3. — С. 431

111. РИБ. Дела Тайного приказа. — СПб., 1904 — Т. 23 — Кн. 3 — Стб. 406-410.
112. РИБ. Дела Тайного приказа. — СПб., 1904 — Т. 23 — Кн. 3 — Стб. 436
113. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Московского стола. № 713 — Л. 306
114. Курбатов О. А. Стрельцы Саввино-Сторожевского монастыря во второй половине XVII века // Саввинские чтения: Сборник трудов по истории Звенигородского края. Звенигород, 2015 Вып. 3 С. 69-85.
115. РИБ. Дела Тайного приказа. СПб, 1904 — Т. 23 — Кн. 3 — Стб. 442
116. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Московского стола. № 713 — Л. 333-385.
117. РИБ. Дела Тайного приказа. СПб, 1904 — Т. 23 — Кн. 3 — Стб. 464, 496, 589
118. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Белгородского стола. № 518 — Л. 54-55.
119. РГАДА, Ф. 210 Разряд. Столбцы Московского стола. № 363 — Л. 194
120. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 178 — Л. 214-215.
121. Грамон А. Из истории московского похода Яна Казимира. — Юрьев, 1924 — С.18.
122. АЮЗР. — Т. 5 — С. 205
123. Bobiatyński K. Kampania letnia 1664 roku na terytorium Wielkiego Księstwa Litewskiego – nieznany fragment wojny Rzeczypospolitej z Moskwą 1654-1667. [w:] Wojsko, wojskowość, miasta. Studia poświęcone prof. Stanisławowi Herbstowi w stulecie urodzin, red. K. Bobiatyński, P. Gawron, M. Nagielski, — Zabrze 2009 — P. 239-240.
124. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 132 Л. 254
125. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Московского стола. № 713 Л. 2, 30
126. Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1853 — Т. 5 — С.91.
127. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Московского стола. № 713 Л.

- 235-236.
128. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Севского стола. № 259 Л. 442-445.
129. РГАДА, Ф. 210 Разряд. Столбцы Московского стола. № 713 Л. 281
130. Щербачев Ю.Н. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене 1326-1690 гг. — М., 1893. — С.253.
131. Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1853 — Т. 5 — С.90.
132. РИБ. Дела Тайного приказа. — СПб., 1907 — Т. 21 — Кн. 1 — Стб. 1105
133. Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. — Новосибирск, 2008 — С. 67
134. Цветаев Д.В. Генерал Бауман и его дело. М., 1984 — С. 25
135. Там же. — С. 43
136. РГАДА. Ф. 210 Разряд. Столбцы Белгородского стола. № 655 Л. 552
137. РГАДА. Ф.210. Разряд. Книги Денежного стола. № 194 Л. 533-805.
138. Барсуков А. Род Шереметевых. — СПб., 1884 — Т.7. — С. 204
139. Там же. — С. 204
140. Сборник князя Хилкова. — СПб., 1879 — № 90 — С. 281-282.
141. Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1853 — Т. 5 — С. 92-93.
142. Цветаев Д.В. Генерал Бауман и его дело. М., 1984 — С. 56
143. Там же. — С. 56
144. Там же. — С. 57
145. Koch E. Die Sachsenkirche in Moskau end das erste Theater in Rußland // Neue Archivs für Sächsische Geschichte. — 1911 — № 32 — P. 312